

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт общественных наук
Кафедра педагогики и педагогической компаративистики

**Образование как инструмент «мягкой силы»
во внешней политике России и США**

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой педагогики и
педагогической компаративистики

Исполнитель:
Самойлова Мария Сергеевна,
обучающаяся МО-1801 группы

дата

Ю.Н. Галагузова
д-р пед. наук, профессор

подпись

Научный руководитель:
Грибан Ирина Владимировна,
Кандидат исторических наук,
доцент, директор центра
культурно-образовательных
проектов

подпись

Екатеринбург 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. «МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И США.....	8
1.1. Основные институты и инструменты «мягкой силы».....	8
1.2. Опыт реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике США.....	20
1.3. «Мягкая сила» как важная составляющая российской концептуальной инициативы.....	31
ГЛАВА 2. ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИТИКЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ И США.....	44
2.1. Национальные модели образовательных систем России и США	44
2.2. Ведущие образовательные программы России и США.....	56
2.3. Дальнейшие перспективы российского и американского образовательного сотрудничества.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	74
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	79

ВВЕДЕНИЕ

«Поскольку войны рождаются в умах людей, именно в сознании людей должна находиться защита мира». Учредительная преамбула ЮНЕСКО, рожденная после печальных событий Второй мировой войны, ясно подчеркивает, что построение прочного и стабильного мира не может осуществляться только посредством политических или экономических соглашений. Этот процесс должен быть основан на образовании, сотрудничестве между народами, а также культуре разных народов. Таким образом, в современном мире и, в частности, в сфере международных отношений наблюдается закономерная тенденция к усилению роли так называемой «мягкой силы». Этот инструмент достижения целей важен для любой развитой страны, которая стремится усилить свои позиции на международной арене. Однако особое значение политика «мягкой силы» и напрямую связанная с ней культурная дипломатия представляет для крупнейших игроков современной международной политики в лице России и США. Именно усилением значения «мягкой силы» и обусловлена **актуальность исследования**. Очевидно, что этот вопрос требует тщательного изучения с целью нахождения наиболее приоритетных векторов развития государства в текущих реалиях, которые происходят в мире.

Культурная дипломатия всегда существовала в каждом контексте международных отношений. Правда, стоит отметить, что раньше этому «инструменту» уделялось недостаточное внимание. Но сегодня «мягкая сила» вполне может сыграть фундаментальную роль как для России и США, так и для любых других развитых государств, которые заинтересованы в укреплении собственного авторитета и мировом признании. В то же время одного только желания добиваться поставленных целей с помощью «мягкой силы» и культурной дипломатии недостаточно – необходима «ресурсная база», которая основана на культуре, как важнейшем элементе идентичности народа. Именно на культурные ценности можно твердо опереться, чтобы

достойно противостоять тем вызовам, которые бросает современная реальность. Отсюда следует, что основополагающая во внешней политике культурная дипломатия представляет собой не только мощный инструмент для реализации «мягкой силы», а также для налаживания и укрепления отношений с другими государствами, но и довольно эффективный способ продвижения и информирования национальных приоритетов.

Сегодня понятие «мягкой силы» вышло далеко за привычные рамки, ограниченные лишь учебными материалами и общими набросками. В современном мире о ней стали говорить часто и много, причем абсолютно на всех уровнях: начиная от СМИ и ученых, занимающихся изучением этого вопроса, и заканчивая высокопоставленными чиновниками и руководителями стран. К примеру, о необходимости применения «мягкой силы» для реализации конкретных потребностей и достижения определенных целей неоднократно высказывался президент РФ Владимир Путин, а также американские лидеры. Это определенно наталкивает на мысль, что культурная дипломатия становится мощным инструментом диалога между целыми народами, наследием прошлого и мостом в будущее, что создает социальную интеграцию и позволяет симметрично и взаимовыгодно подходить к вопросам сотрудничества с другими государствами.

Культура нации отражает ее истинную сущность, душу, если можно так сказать, а также является прекрасным средством для объединения экономики страны и ее нематериального (культурного) наследия посредством гармоничного сочетания ценностей, культурного самовыражения и политического выбора. В культурную дипломатию вовлечено множество субъектов: международные организации, занимающиеся культурной сферой, государственные и общественные образования, НПО, которые вместе выражают национальную идею и могут внести существенный вклад в позиционировании государства в геополитической области по отношению к другим глобальным державам. Это акторы, которые развивают фундаментальное сотрудничество, а оно, в свою очередь, создает предпосылки

и условия для стабильного мира: потому что, когда люди сотрудничают друг с другом, создаются обмены, диалоги и взаимосвязи. Все это очень важно, особенно в условиях той нестабильности международных отношений, которая наблюдается сегодня. Отношения, которые преследуют взаимное обогащение и обоюдную выгоду, строят мосты и укрепляют обмены и взаимные знания.

Сегодня как никогда нам нужно следовать стимулам дивергентного мышления, чтобы запустить благотворный круг, состоящий из изменений, отправной точкой которых является наша история, и построения будущего, переворачивающего границы многих определенностей, в которых мы привыкли двигаться, и что слишком часто стали нашим пределом. Для этого необходимо правильно формировать мышления молодых людей, выросших на бескрайних просторах Интернета, как граждан мира: в этом непростом деле можно полагаться только на культуру, потому что именно она представляет собой прочную основу, которую можно использовать в качестве плацдарма для реализации намеченных целей. Нет ничего удивительного в том, что «культурная дипломатия» не имеет четкого определения с одним единственным смыслом – это обобщающий термин, который содержит в себе много разных понятий и состоит из разных «комплекующих» и стратегических векторов. Например, одним из направлений культурной дипломатии как инструмента реализации «мягкой силы» является образование. При правильном применении этого инструмента стираются все границы между культурами разных стран и, что самое главное – устраняется недопонимание, которое очень часто возникает как раз потому, что нет культурного обмена.

Логично, что важной составляющей образования является изучение языка. Это не просто мнемоническое упражнение и не просто приобретение навыков, а способ максимально приблизиться к культуре страны. Чем привлекательнее для других будет язык, тем более эффективный инструмент передачи мягкой силы он будет из себя представлять. Джозеф Най говорил: «Политическая сила убеждения и привлечения, а не принуждения, так

называемая «мягкая сила» возникает из увлечения культурой, идеалами и политическими практиками государства». Поэтому очевидно, что языкознание является одним из основных способов донесения своей культуры до остальных. Поощрение национального языка как средства общения всегда считалось фактором политической власти: в одних случаях язык навязывался (принуждение к изучению, например, в делах колониальных держав против колоний), а в других случаях увеличение числа говорящих совпало с выражением военно-политической и экономической власти (это было в случае с латынью в Древнем Риме и с английским языком в двадцатом веке).

Образование же в целом способно помочь в решении многих вопросов, включая решение проблем на региональной уровне или в глобальных масштабах. Поэтому важно, чтобы образование не просто было, важно его «экспортировать» в мир, чтобы сплотить вокруг себя лояльное общество. Очевидно и то, что России, ровно, как и США, необходимо больше вкладываться в развитие образования и его «экспорт».

Степень разработанности темы исследования, место и значение в науке и практике: изучение «мягкой силы» не обошлось без значительного вклада в обсуждение и развитие концепции «мягкой силы» ряда экспертов в области мировой политики и международных отношений. Среди них и сторонники концепции, которые по-разному предлагают свою интерпретацию «мягкой силы», и скептики, указывающие на недостатки концепции. К их числу относятся: С. Анхольт, М. Барнетт, А. Вивинг, Дж. Галларотти, Ю.П. Давыдов, Р. Дувалл, Д.Б. Казаринова, В.М. Капицын, М.М. Лебедева, О.Г. Леонова, С. Льюкса, Дж. Б. Меттерн, А.О. Наумов, М.А. Неймарк, Е.П. Панова, П.Б. Паршин, Л. Росель, Т. Халл, Е.М. Харитонова, М.В. Харкевич и ряд других исследователей.

Проблема исследования заключается в том, что если раньше (например, в том же двадцатом столетии) основным инструментом для достижения целей государства, включая принуждение других следовать определенным интересам, являлся жесткая сила, которая подразумевает собой

добиваться желаемого путем применения военной силы, то в современном мире все больше возрастает актуальность использования альтернативных методов – «мягкой силы».

Объект исследования: политические инструменты реализации «мягкой силы» со стороны России и США.

Предметом исследования являются те конкретные шаги на пути реализации политики «мягкой силы» посредством высшего образования для укрепления собственных позиций на мировой арене и авторитета, которые предпринимают руководства России и США.

Цель исследования: исследование способов, технологий, институтов образования для реализации «мягкой силы» и всесторонняя оценка эффективности данной политики в выбранном направлении.

Задачи исследования:

1. Изучить основные институты и инструменты «мягкой силы».
2. Описать опыт реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике США.
3. Проанализировать понятие «мягкая сила» как важная составляющая российской концептуальной инициативы.
4. Показать роль образования в политике «мягкой силы» России и США.
5. Оценить дальнейшие перспективы образовательного сотрудничества России и США.

Методы исследования: анализ, синтез, сравнительно-правовой, исторический.

База исследования: нормативно-правовые документы, заявления, отчеты и сообщения органов государственного управления Российской Федерации и США.

Структура исследования. Выпускная квалификационная работа состоит из: введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка используемой литературы и приложения.

ГЛАВА 1. «МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И США

1.1. Основные инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства

В 1990 году Джозеф С. Най ввел популярный ныне термин «мягкая сила» для определения способности государства добиваться желаемого результата за счет использования метода привлечения, а не насильственного принуждения, что подразумевает собой не только военные действия, но и экономические санкции. Американский политолог утверждал, что мягкая сила возникает, в первую очередь, из-за привлекательности культуры, политических ценностей и внешней политики, которую проводит государство для удовлетворения собственных целей и потребностей [11]. Несмотря на то, что определение «мягкой силы» может показаться более близким к демократиям западного образца, в настоящее время почти все правительства стремятся увеличить свое влияние на мировой арене путем и противостоять глобальной конкуренции исключительно применения «мягкой силы», а также стараются инвестировать в нее много ресурсов.

Как говорил Папа Франциск: «тот, кто строит стены, остается их узником, строители мостов идут вперед». В этом утверждении, в конечном счете, заключается первостепенный смысл, миссия и видение каждой формы культурной дипломатии, как одного из основных инструментов «мягкой силы»: иметь мужество строить мосты между народами, чтобы заложить основы взаимного и необходимого знания для установления общего будущего мира. Понятно, что образование и изучение языка не являются единственными направлениями, по которым нужно активно работать.

Достигнуть успеха в реализации «мягкой силы» возможно лишь, используя комплексный подход. Таким образом, в числе важных инструментов для удовлетворения поставленных целей путем ведения

культурной дипломатии можно также отметить глобальный маркетинг, СМИ, религиозное просвещение, культурные и спортивные мероприятия. Если рассматривать, например, внешнюю политику РФ, то Россотрудничество, Фонд «Русский мир» и Православная церковь играют ключевую роль в российской стратегии. Ну и не последнюю роль, конечно же, играют средства массовой информации, причем во всех своих проявлениях: как традиционных СМИ (телевидение, газеты, радио), так и более современные, связанные с Интернетом, таких как блоги и веб-сайты. Важно отметить, что, помимо классических подходов, разные государства стремятся найти и использовать уникальные инструменты, которые ранее не были задействованы в политических целях или им уделялось слишком мало внимания [8].

Прежде чем более подробно остановиться на рассмотрении темы исследования, надо определиться с четким понятием термина «мягкая сила».

В 1990 году Джозеф С. Най-младший сформировал и внедрил в область международной политики термин «мягкая сила» – специально для определения способности того или иного государства достигать желаемых результатов за счет методов привлечения, а не насильственного принуждения. Поскольку, как он заявил в своей книге «Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике», в 2000-е годы власть приобрела менее принудительный характер, чем это было в прошлом, сегодня почти все страны стремятся наращивать свою «мягкую силу» и вкладывать много ресурсов в развитие инструментов ее реализации. Согласно определению, термин «сила» подразумевает собой способность достигать поставленных целей путем влияния на поведение других. Причем для достижения результата могут применяться разные методы воздействия. Военные действия и экономические санкции, направленные на дестабилизацию экономики конкретной страны или ряда стран, представляют собой так называемую «жесткую силу». Привлечение же и способность договариваться являются характерными признаками «мягкой силы». Хотя многие рассматривают власть строго в терминах командования и принуждения, важно подчеркнуть, что это зависит

от контекста, в котором устанавливаются властные отношения. В действительности иногда можно получить желаемые результаты, не применяя подход «жесткой силы». Это происходит, если цели, преследуемые одним актором, воспринимаются другими как легитимные [3].

Исходя из вышесказанного, «жесткая сила» в современной интерпретации определяется как применение принудительных политических и экономических средств, таких как шантаж, угрозы и военная сила, с целью повлиять на поведение и интересы контрагента, имеющего меньшую политическую и военную силу. По словам Джозефа С. Наю-младшего, декана Школы государственного управления им. Кеннеди Гарвардского университета, жесткая сила – это способность использовать «кнут и пряник». Под «кнутом» он подразумевает угрозы военной интервенции, экономические санкции, принудительную дипломатию; а с другой стороны, «пряник» относится к стимулам, таким как предложения союза, обещания военной защиты и снижение торговых барьеров. С точки зрения теории международных отношений, «мягкая сила» обуславливает способность политической власти убеждать и привлекать посредством использования нематериальных ресурсов, таких как культура, ценности, политические идеалы и политические институты.

Размышление ученого указывает на то, что власть актора определяется не только традиционными компонентами, такими как военные, экономические или демографические, но и нематериальными аспектами, такими как идеалы и культура. «Жесткая» и «мягкая» сила представляют собой два разных аспекта способности актора достичь своей цели, влияя на поведение другой стороны. Если представить себе спектр поведений, предполагающих, с одной стороны, командование, а с другой – привлечение, то ресурсы жесткой силы, как правило, ассоциируются с первым, а ресурсы мягкой силы, с другой стороны, – со вторым. Однако, согласно Наю, «отношения между двумя типами власти несовершенны»: влечение к стране, например, может проистекать из ее военной мощи и из мифа о ее непобедимости, как это произошло с нацистской

и сталинской властью, в котором правители пытались реализовать этот миф. Точно так же принуждение может быть использовано для создания институтов, которые со временем признаются легитимными. Сильная экономика дает возможность введения санкций, но ее также можно рассматривать как фактор притяжения и показатель стабильности. Таким образом, одни и те же ресурсы силы могут влиять на спектр поведения от принуждения до привлечения: если страна переживает фазу экономического и военного упадка и, следовательно, находится в ситуации, в которой ее жесткая сила не имеет отношения к международным отношениям, весьма вероятно, что его мягкая сила также ослабнет, а сила притяжения уменьшится.

С точки зрения Ная, а также ряда других ученых, занимающихся исследованием культурной дипломатии и ее возможных перспектив, у США намного больше возможностей и рычагов эффективно влиять на процессы, происходящие в области международных отношений, используя именно инструменты «мягкой силы», а не военное давление. Та внешняя политика, которая направлена на достижение целей посредством силового воздействия, не позволит добиться желаемых результатов в долгосрочной перспективе. К примеру, когда американский президент Дж. Буш начал военную операцию в Ираке, выбрав в качестве основного рычага воздействия неоспоримое военное превосходство, это стало «началом конца». Выбранный курс абсолютно не оправдал себя. Экономический кризис, поразивший Соединенные Штаты с начала 2008 года, в сочетании с растущим значением в международной политике «веса» Китая, Индии и Бразилии, привел к снижению консенсуса в отношении американского влияния на международную обстановку, что в конечном итоге привело к политике, которая больше неспособна приносить плоды.

Поскольку ресурсы, традиционно относимые к «жесткой силе», также могут быть инструментами «мягкой силы» и наоборот, правильнее различать формы власти, исходя не из вида используемых ресурсов, а из способов их использования. Однако ошибочно предполагать, что «мягкая сила» в какой-

либо мере зависима от жесткой силы. Вот простой пример: церковь и другие религиозные организации обладают значительной «мягкой силой», несмотря на отсутствие военной мощи. Напротив, «мягкая сила» государства может уменьшаться, даже если его политическая и военная мощь растет: после вторжения в Венгрию и Чехословакию в СССР произошел резкий спад «мягкой силы», потому что эти два действия были сочтены несовместимыми с предполагаемой антиимпериалистической приверженностью советского режима.

Поэтому можно сделать закономерный вывод, который заключается в том, что при использовании инструментов принуждения важно обращать внимание на то, чтобы они не оказались контрпродуктивными с точки зрения потери «мягкой силы». Один из способов предотвратить это – создать коалицию. К примеру, Франция и Германия активно участвовали в финансируемых НАТО военных операциях против Сербии во время войны в Косово в 1999 году, несмотря на отсутствие официальной резолюции Совета Безопасности ООН, разрешающей это. Такое поведение европейских государств стало возможным благодаря тому, что политика Соединенных Штатов выглядела легитимной, поскольку они обладали большой «мягкой силой» и поэтому могли легко привлекать к себе союзников. Сочетание «жесткой силы» принуждения с «мягкой силой» убеждения и привлекательности порождает так называемую «умную силу». Центр стратегических и международных исследований, американский аналитический центр в Джорджтаунском университете в Вашингтоне, определил его как «подход, который подчеркивает необходимость мощной военной силы, но в то же время вкладывает значительные средства в создание партнерств, союзов и институтов на всех уровнях, чтобы расширить свое влияние и быть в состоянии создать прочные основы легитимности». Точно так же Честер Артур Крокер, американский дипломат, лектор и член администрации Рейгана, сказал, что «умная сила» «предполагает стратегическое использование дипломатии, убеждения, наращивания

потенциала и проекции власти и влияния экономически эффективными и имеющими политическую и социальную легитимность способами». Существование силы, возникающей в результате интеграции жесткой и мягкой силы, возможно благодаря тому, что они не имеют четких границ, а часто переплетаются и усиливаются [15].

Власть сегодня приобрела менее принудительный характер и представляется менее осязаемой, чем в прошлом. Однако развитие в этом направлении ограничивается наличием в мире большого количества государств, которые на сегодняшний момент еще далеки от демократических ценностей. Например, есть страны, где институты слабы, а у власти стоят авторитарные правители; есть и другие страны, находящиеся в процессе индустриализации и ставящие эту цель выше уважения прав человека. Именно из-за такого разнообразия на глобальном уровне, чтобы удержать свое международное положение в исторический период быстрых и глубоких трансформаций, необходимо уметь эксплуатировать любую силу, будь то военную, экономическую или мягкую. Однако есть все основания считать, что именно «мягкой силе» суждено стать наиболее важной, если экономические и социальные тенденции информационной революции будут продолжаться в том же направлении, что и сегодня. Информационные революции – явление не новое, достаточно вспомнить последствия, которые произвела пресса Гутенберга в шестнадцатом веке, но нынешняя революция меняет природу власти и увеличивает ее распространение. Она основана на быстром техническом прогрессе в области коммуникации с использованием IT-технологий, что привело к резкому снижению стоимости создания, передачи и поиска информации. Таким образом, ключевой особенностью этой революции является не быстрота связи между богатыми и власть имущими, которая уже стала возможной благодаря телеграфу более века назад, а существенное снижение стоимости передачи информации. Такое снижение цены фактически сделало и продолжает делать доступ к технологии чрезвычайно легким. Уменьшение размера компьютеров до портативных

устройств и смартфонов оказало заметный эффект децентрализации. Таким образом, власть над информацией распространена сегодня гораздо шире, чем несколько десятилетий назад. Информация может быть ключевым источником власти, и сегодня все больше людей имеют доступ к большому количеству информации. Это означает, что власть больше не является прерогативой правительств, но в нее также вовлечены негосударственные субъекты, от крупных транснациональных корпораций до некоммерческих организаций. Однако, по словам Ная, это не означает конец государства; он считает, что «правительства останутся самыми могущественными актерами на мировой арене, но сцена станет более многолюдной, и многие из новых актеров будут конкурировать за мягкую силу» [25].

Как уже упоминалось, «мягкая сила» означает способность получить то, что вы хотите, привлекая другую сторону, а не прибегая к использованию военных или экономических инструментов. Хотя термин был придуман относительно недавно, концепция имеет очень древнее происхождение. В «Искусстве войны», которое, вероятно, считается старейшим из сохранившихся текстов по военному искусству (около 6 века), китайский генерал Сунь Цзы утверждает, что лучше атаковать разум врага, чем нападать на его города, и что превосходство имеет решающее значение не в победе в бою, а в подчинении противостоящей армии без боя. Сунь Цзы также предлагает использовать привлекательность рациональности, морали и этики противника в качестве оружия победы.

С понятием «мягкой силы» и ее значении для страны мы определились. Теперь нужно рассмотреть тот набор инструментов, с помощью которых возможно реализовать данную политику с целью получения наилучших результатов. В целом, можно выделить три основных ресурса, на которых, собственно, и базируется сама концепция, а значит, и условия использования «мягкой силы» – это культура страны и ее культурно-исторические ценности, политические ценности и, конечно же, курс внешней политики. Если можно так сказать – это «три кита», на которых опирается «мягкая сила» государства.

Понятие культура объединяет собой большое количество направлений, включая художественно-прикладное искусство, литературу, музыку, спорт, кино и т. д. Ну и конечно же, нельзя не упомянуть высшее образование. Фундаментальная роль культуры вне построения власти ясна из слов экс-министра МИД Франции Юбера Ведрина, который сказал: «Американцы так сильны, потому что они могут вдохновлять мечты и желания других благодаря овладению глобальными образами через фильмы и телевидение, и потому, что по тем же причинам большое количество студентов из других стран приезжает в США, чтобы получить престижное образование, вносят свой вклад в его производство, смешивая силу массовой культуры с последней. Культура – это инструмент «мягкой силы», но эффективность каждого ресурса власти зависит от контекста, в котором он используется».

Еще одним немаловажным элементом, на котором построена «мягкая сила», являются политические ценности, которые интерпретирует страна. Они отражаются в его внешней политике, а также во внутренней политике и в отношении к международным организациям, и могут довольно сильно влиять на поведение других стран. Политика нации глубоко влияет на ее «мягкую силу»: если она воспринимается как лицемерная или высокомерная, или если она совершенно безразлична и невосприимчива к мнению других (или основана исключительно на национальных интересах), то в этом случае она может подорвать «мягкую силу» государства. Например, война между Соединенными Штатами и Ираком в 2003 г. привела к снижению поддержки США, как это было в случае с войной против Вьетнама тридцатью годами ранее. Также необходимо обратить внимание на реципиентах «мягкой силы»: если культура, политика и ценности, характеризующие страну, не разделяются государством, которое оно стремится привлечь за счет использования этих элементов, существует определенный риск, сводя на нет его эффективность или, даже, для получения обратного эффекта, превращая силу притяжения в отталкивание тем интенсивнее, чем больше различаются ценности двух культур. Например, если голливудские фильмы со сценами насилия и наготы

экспортируются в Иран, они вызовут у большинства населения чувство отвращения к американской культуре. Следовательно, если можно сказать, что репутация и имидж, характеризующие государство, важны для целей стратегий, основанных на мягкой силе, то в равной степени верно и то, что правительство может столкнуться с трудностями в управлении и использовании последней с помощью этих средств, так как невозможно предсказать, как тот или иной образ будет восприниматься различными членами международного сообщества.

Наравне с культурными и публичными ценностями, а также с культурой в целом, огромное влияние на возможности применения «мягкой силы» оказывает и публичная дипломатия. Рассматривать ее нужно как неотъемлемую составляющую политики «мягкой силы», которой придерживается государство. Публичная дипломатия предоставляет возможности для ведения продуктивного диалога, главными действующими лицами которого являются социум и люди в нем, а также страны и негосударственные акторы. Здесь также стоит отметить, что публичная ирадиломатия немного отличается от дипломатии классического образца, и заключается это отличие в том, публичная дипломатия объединяет вокруг себя не только политические силы и правительства стран в частности, но и общественные организации и каждого человека в отдельности. Одним из ключевых направлений публичной дипломатии в стремлении к достижению намеченных целей является стремление воздействовать на население другой страны путем информационных механизмов (в частности, СМИ оказывает в этом огромную поддержку).

Поскольку многие страны стали демократическими и, как уже упоминалось, власть над информацией сейчас распространена гораздо шире, чем несколько десятилетий назад, важно обеспечить общественное мнение позитивным имиджем государства. Фактически, в современных условиях дипломатия, обращенная к общественному мнению, может стать столь же важной, как и дипломатические коммуникации между лидерами,

классифицируемые как традиционные. Таким образом, в последние десятилетия концепция мягкой силы была связана с публичной дипломатией. Эдвард Р. Мерроу, американский радиореporter и директор Информационного агентства США (USIA) при администрации Кеннеди, определил ее в 1963 году как набор взаимодействий, направленных не только на иностранные правительства, но прежде всего на отдельных лиц и на неправительственные организации. Чтобы увеличить мягкую силу своей нации, дипломатия не может ограничиваться простым распространением позитивных новостей, но должна также устанавливать долгосрочные отношения с другими государствами, чтобы создавалась международная политическая среда, способствующая диалогу. Это можно сделать с помощью прессы, стратегических коммуникаций, таких как, например, политические кампании, или путем учреждения стипендий для иностранных студентов, семинаров, конференций и программ обмена. Таким образом можно сформировать положительный образ страны при условии, что ее политика не противоречит культуре и политическим ценностям принимающего государства. Можно подумать, что «публичная дипломатия» – не более чем эвфемизм слова «пропаганда». Что отличает эти две концепции, так это модель коммуникации. Современная публичная дипломатия сравнима с улицей с двусторонним движением, даже если те, кто ее осуществляет, продвигают интересы и цели внешней политики своей страны. Это форма убеждения через диалог, основанный на либеральном понятии общения с иностранной общественностью.

Точка соприкосновения пропаганды и публичной дипломатии заключается в том, что и те, и другие пытаются подсказать людям, что думать, но есть существенная разница: публичная дипломатия обращает внимание на то, что люди должны сказать, она не односторонняя. Марк Леонард, директор Центра внешней политики, независимого аналитического центра, основанного Тони Блэром и бывшим министром иностранных дел Робинотом Куком, говорит, что необходимо преодолеть четыре проблемы, чтобы выйти за рамки простой

пропаганды и внедрить публичную дипломатию. Во-первых, понять целевую аудиторию; он приводит пример того, как публикации и выступления министерства иностранных дел призваны доказать свою правоту, а не убедить общественность изменить свое мнение. Это означает готовность исследовать легитимность некоторых из самых основных принципов, от прав человека до гендерных прав. Во-вторых, по мнению британского эксперта, необходимо уметь избегать одностороннего потока сообщений и вместо этого сосредоточиться на поощрении взаимности в отношениях с другими субъектами, будь то неправительственные акторы, отдельные лица или государства. В последнем случае, например, можно было бы подчеркнуть важность тесного сотрудничества с учреждениями другой страны для продвижения взаимовыгодной публичной дипломатии. Третьей задачей является преодоление интеллектуальных форм общения: «Хотя трудно доверять их точной цифре, ясно, что многие другие факторы – опыт, эмоции, образы – будут влиять на реакцию людей на наши сообщения. Задача состоит в том, чтобы перейти от предоставления информации к захвату воображения» [12].

Существуют различные способы проецирования образа, который изменяет или усиливает образ мышления людей, однако необходимо постоянно исследовать формы и содержание различных типов коммуникации, если вы хотите захватить воображение людей. Четвертая задача состоит в том, чтобы не принимать свою значимость как должное, а демонстрировать ее. Один из способов сделать это – сосредоточиться на «нишевой дипломатии», выражение, которое указывает на дипломатию, осуществляемую средними державами главным образом потому, что они должны преследовать ограниченные внешнеполитические цели, поскольку их собственная власть меньше, чем у великих держав. Среди стран, которые лучше всего практикуют дипломатию, мы можем упомянуть Норвегию, которая, по словам Леонарда, стала играть на международной арене роль даже непропорционально важную по сравнению с ее скромным положением и ее активами. Выдавая себя за

борца за мир во всем мире, Норвегия позволяла и до сих пор позволяет ей добиться большей известности, чем позволяют ее размеры, и отвергнуть обвинения в изоляционизме [13].

Публичная дипломатия имеет три измерения. Первое – ежедневное общение, включающее разъяснение внутренних и внешнеполитических решений. Приняв решение, правительства современных демократий обычно уделяют особое внимание тому, как представить его прессе. Как правило, они ориентируются на национальную, однако именно зарубежная пресса должна представлять важнейшую цель первого аспекта публичной дипломатии. Второе измерение касается стратегической коммуникации и состоит в разработке простого набора тем, как в рекламных или политических кампаниях, с помощью мероприятий, направленных на усиление основных сообщений, продвижение конкретной государственной политики и влияние на восприятие. Он действует в среднесрочной или долгосрочной перспективе (недели, месяцы) и требует широко развитых коммуникативных навыков, стратегического планирования и бюджета, ресурсов и навыков для организации мероприятий, способных поразить воображение. Третье измерение публичной дипломатии касается развития прочных отношений с ключевыми действующими лицами посредством семинаров, конференций, обменов, построения реальных и виртуальных сетей и предоставления людям доступа к мультимедийным каналам. Построение отношений направлено на создание общего анализа проблем и предоставление людям более четкого представления о мотивах и факторах, влияющих на их действия, чтобы к тому времени, когда они переходят к обсуждению отдельных вопросов, большая часть фоновой работы уже была проделана. Важно не только развивать отношения, но и следить за тем, чтобы опыт, который люди забирают, был положительным, и чтобы после него последовали последующие действия.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вполне логичный вывод, что для повышения эффективности применения «мягкой силы» необходимо разработать комплексную стратегию, а для этого требуется не только желание.

Нужно всесторонне исследовать сферу международных отношений с выделением важнейших приоритетов, таких как правильный образ целевой аудитории, ясные и понятные цели, которых нужно достичь и, конечно же, набор средств и инструментов, чтобы реализовать «мягкую силу» в соответствии с внешней политикой государства.

1.2. Опыт реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике США

Природа и судьба государства определяются многими факторами. Один из главных – международная политика, которая представляет собой максимальное выражение осуществления «власти», выступающей в качестве силы, при помощи которой можно добиваться определенных результатов. Обладание властью означает, в первую очередь, способность заставлять других делать то, что они иначе не стали бы делать, для получения желаемого результата. Очень точный анализ понятия дает Макс Вебер в трактате «Экономика и общество» 1922 г. Социолог различает, прежде всего, власть в собственном смысле или власть, как осуществление господства, и узаконенную власть, поскольку он производит принятие и повиновение за то, что считается действительным. Опираясь на разные принципы легитимации, он описывает три типа политической власти, которые ведут к столь же многочисленным административным структурам: традиционной власти, правовой, регулируемой законом, выступающим как социальный прием, наделенный рациональной и безличной значимостью, основополагающей для поддержания порядка, и, наконец, харизматической силе, связанной с фигурой лидера, способного оживить и увлечь толпу за собой. Наряду с политической властью, но в подчиненном положении, находятся экономическая и идеологическая. Первая определяется производительными силами и производственными отношениями, взятыми из теории Маркса, но почти опрокинутыми в своем преобладании: экономика движется от основ

надстройки, включающей в себя все остальное, как непосредственно ею определяемое, к сферам в постоянное взаимодействие с политикой и этикой, настолько, что подтолкнуло Вебера к выводу предпосылок самого капитализма из культурного или, скорее, религиозного элемента. Вторая, также называемая культурной, понимается как способность влиять на мысли и идеи, навязать способ интерпретации реальности среди многих возможных. Таким образом, власть отвечает не однозначному смыслу, а сложному набору форм, она может осуществляться с помощью различных средств. Попытка количественно оценить власть только на основе ресурсов, которые, по видимому, непосредственно ее определяют (военная сила, территориальная протяженность, густонаселенность, обладание природными ресурсами, размер экономики, социальная стабильность) может оказаться приблизительной, наивной и, в некоторых случаях, рискованной: власть может быть определена только по отношению к контексту отношений, в котором она действует, и принимая во внимание, что современный мир, чрезвычайно динамичный и сильно поддерживаемый и усиленный сетью, только неправильно сопоставим с прошлыми реалиями и изменениями. Впрочем, сила, как справедливо утверждает Най, подобна погоде: «мы все от нее зависим и говорим о ней, но мало кто ее понимает». Плохое понимание различных форм власти проистекает из ее различных и тонких нюансов. В связи с этим уместно сразу же обратить внимание на дискуссию, имевшую место среди ученых-международников, которые, разделив методы осуществления власти на две макрокатегории «Жесткая сила» и «Мягкая сила», считают, что обе имеют основополагающее значение для достижения желаемых целей, в результате чего на самом деле одинаково востребованы.

В частности, термин «жесткая сила» относится к использованию военной и экономической мощи государством или правительством для влияния на поведение других субъектов на международной арене. Мягкая сила, с другой стороны, представляет собой способность государства быть привлекательным и влиять на поведение других. Другими словами, в то время

как «жесткая сила» относится к военным действиям и экономическим инструментам для подавления воли конкретного политического актора, с «мягкой силой» применяется ряд практик, направленных на обмен опытом и ценностями с целью привлечения себя, а также влияние на поведение других посредством «соблазнительной способности». Что ж, как только эта разница будет устранена, желательно понимать, какие основные инструменты есть у государства для реализации своей «мягкой силы». Несомненно, в этой связи, что к основным ресурсам относятся культурные, то есть тот набор ценностей и практик, которые порождают общее чувство данного общества. Такие практики обычно выделяются в культуре высокого уровня, такой как литература и искусство, которые обращаются к культурной аудитории, принадлежащей к элитарному классу, и массовой культуре. Поэтому, когда страна включает в себя универсальные (или предполагаемые) ценности и ее политика продвигает ценности и интересы, разделяемые другими, она, очевидно, обладает большей силой притяжения и, следовательно, большей вероятностью получения желаемых результатов.

Важно отметить, что прямая власть над кем-либо – не единственный способ получить от него то, что вы хотите: есть косвенный способ, направленный на формирование воли других с привлечением. Если «жесткая сила» страны соответствует синтезу военной и экономической мощи и выражается через угрозы и стимулы военного или экономического назначения, то «мягкая сила» использует обаяние, восхищение и основывается на наличии и определении общих целей. Соблазнение – сложное искусство, и в некоторых обстоятельствах оно может оказаться чрезвычайно мощным: оно способно влиять на так называемые «окружающие» цели, которые могут создавать необходимые условия для осуществления других достижений, часто более трудно предсказуемых в реальности. продвигать. Основные доступные маяки привлекательности: эклектичная и характерная культура, харизматичные и очаровательные личности, ценности, широко признанные за их этическое содержание и законные институты в глазах национального и

международного сообщества. Эта тенденция естественного права, требующая, чтобы законность административных структур проистекала из их способности обеспечивать представительство и позволять выражение народного суверенитета, по-видимому, была экспортирована в процессе глобализации. Мягкая сила выражается, прежде всего, в искусной, проницательной и, прежде всего, надежной способности создавать позитивный и конкретный образ самого себя в перспективе открытости: искомое измерение – это, опять же, реляционное измерение. Эффективное использование того, что вы хотите сообщить, заключается именно в правдоподобии, а лучший способ казаться правдоподобным – это, безусловно, честность: когда вы замечаете манипуляцию в содержании или попытку вернуться к пропаганде, эффект может быть противоположным ожиданиям. Культура, понимаемая как совокупность производств, способов использования, обычаев и знаний, полных значения для общества, имеет как народную, так и высшую черту, иногда почти элитарную, и обе способствуют формированию мягкой силы, поскольку они характеризуют нацию как таковую и когда они продвигают общие интересы и универсальные ценности, они создают неизбежную привлекательность, но их эффективность зависит от контекста. Художественное и литературное производство или система высшего образования являются одними из рычагов влияния и заражения других обществ, они могут оказаться полезными инструментами для продвижения к встречам, обмену и подражанию.

В качестве примера, можно рассмотреть опыт США. Соединенные Штаты, по сути, всегда отличались способностью развивать свою мощь не только с военной и экономической точки зрения, но и с культурной, создавая то, что лучше всего всем известно, как «американская мечта». Фактически, с помощью фильмов и телевидения они породили у значительной части населения мира желание присвоить и подражать тому типу культуры, тенденций и образа жизни, которые были им рождены, а также привлекли в это место многочисленных студентов. завершить и усовершенствовать свой

академический путь. Пример США, который, безусловно, остается наиболее последовательным с точки зрения размера, был подхвачен многими другими странами, которые, следуя этой модели, позиционировали себя как реальные «аттракторы» в своем собственном регионе. К ним относятся Индия, которая в последние годы отличилась своим кинопроизводством и распространением восточной философии, а также Япония, Южная Корея и даже Нигерия, которая также развила собственную киноиндустрию, производя фильмы, получившие признание на всем африканском континенте.

Как отмечает Най: «кока-кола и биг-мак» не обязательно убеждают исламские народы любить Соединенные Штаты. Однако вместе с распространением этих брендов, по сути, решается вопрос о влиянии тех или иных американских действий в мире. Потому что есть идеи и ценности, которые Америка экспортирует в умы более полумиллиона молодых иностранцев, которые ежегодно учатся в американских университетах, а затем возвращаются в свои страны происхождения. Это покажется нормальным фактом, но именно здесь выявляется реальная акция проникновения США в культуру всего мира. Най отмечает, что у большинства китайских лидеров есть сын или дочь, получившие образование в Соединенных Штатах, которые могут дать реалистичное представление о стране, часто резко контрастирующее с «обвинениями», которые распространяются китайской пропагандой. Другие подробно описанные примеры относятся к Советскому Союзу. На самом деле существовала четкая американская стратегическая линия, которая развивалась с 1950-х годов и включала различные фонды (Фонд Форда, Совет научных обществ, Совет по исследованиям в области социальных наук и т. д.), имевшие целью установление «культурных» контактов с студентами и преподавателями СССР. Итак, в период с 1958 по 1988 год около 50 000 советских граждан посетили США для «учебы». Это были писатели, журналисты, учителя и т. В этот круг вошли и элиты Москвы. Как и в случае с Александром Яковлевым, на которого сильно повлияли исследования, проведенные в 1958 году с политологом Дэвидом Трумэном в

Колумбийском университете. Позже Яковлев стал директором важного института. На этих примерах Най также подчеркивает новые аспекты «мягкой силы», а именно правомерность маневров, направленных на проникновение на территорию других стран без использования трудного пути, без осуществления военного вмешательства.

Вышеизложенное дает меру того, насколько культура, помимо идентификации страны в сфере международных отношений, выступает фундаментальной опорой ее внешней политики, поскольку способствует диалогу и сравнению с другими международными субъектами. В частности, в нынешнюю эпоху глобализации, характеризующуюся утверждением доминирующей культурной модели (западной) и в то же время подтверждением местных идентичностей, культура приобретает все более центральную роль в международных отношениях, становясь реальным «дипломатическим инструментом».

Военная мощь включает в себя издержки имиджа и популярности, это то, что произошло с Соединенными Штатами после войны во Вьетнаме или начала военных действий в Ираке в 2003 году в международных опросах общественного мнения, издержки также возрастают при наличии демократий, потому что оправдание войны опорой на недостаточно ностальгического и уже часто дремлющего националистического духа, более важным для общественного мнения является стремление к благополучию, а гибель человеческих жизней уж точно не идет в этом направлении. Экономические последствия конфликта могут быть еще более серьезными: санкции со стороны наднациональных органов, возведение торговых барьеров, потеря рынков сбыта или возможностей для импорта товаров и услуг, а также разрушительные последствия для финансов.

Анализирую «звездно-полосатую» дипломатию всего через год после инаугурации Дональда Трампа в Белом доме, возникает очень важный вопрос. Разрыв с Ираном, жесткая линия с Северной Кореей – это лишь самые очевидные плоды нового дипломатического курса, провозглашенного

магнатом, в гораздо большей степени основанного на кнуте, чем на прянике. Удалось ли президенту за эти двенадцать месяцев сделать Америку «снова великой»? Ответ очевиден – нет! «Америка на первом месте – это политика, цель которой – заставить других думать, что они на втором месте», и она имеет ярко выраженный негативный эффект в виде снижения американской «мягкой силы». Большинство опросов общественного мнения показывают, что Соединенные Штаты при Дональде Трампе стали менее привлекательными для других стран, чем до Трампа. А ведь его предшественник – Барак Обама на вполне наглядном примере доказал, что «мягкая сила» приносит больше пользы, нежели желание «подмять всех под себя». Например, в 2013 году Барак Обама принял решение не вторгаться в Сирию, поскольку это нанесло бы удар по международному авторитету США. Вместо этого американский президент сосредоточил основное внимание на использовании исключительно дипломатических средств. Чтобы поднять имидж США, Обама выступил в 2009 году в Каирском университете, обратившись от лица американской нации к представителям исламского мира. Президент пытался сформировать у них положительный образ своей страны, пытался донести информацию, что США не представляет угрозы для мусульман. Благодаря плодотворной работе Барака Обамы в международной терминологии появился новый термин, такой как «цифровая дипломатия». Сегодня Соединенным Штатам принадлежит рекорд в области развития «цифровой дипломатии». Но другие страны также организуются, чтобы конкурировать в онлайн-мероприятиях подобного рода. Польша объявила об активации около 140 твиттер-аккаунтов посольств и консульств в мире, МИД России во время кризиса в Сирии использовал все социальные каналы, чтобы объяснить свою политическую позицию. Задача по завоеванию общественного мнения в Интернете открыта, даже если на данный момент 500 тысяч лайков страницы американского посольства в Индонезии в Facebook остаются недостижимой целью.

Культурная дипломатия – это, с одной стороны, деятельность правительства, но, с другой стороны, именно «частный сектор» более или

менее свободно создает ту культуру, которую использует общественность, направляя ее и продвигая в государственных целях. Другими словами, культурная дипломатия поддерживает политические и экономические цели, делая системы и институты национальных ценностей доступными и экспортируемыми, она создает нейтральную среду, в которой можно установить прочный контакт с людьми, формируя гибкие и дипломатически адекватные связи и укрепляя существующие отношения. Она может воздействовать на предполагаемые потребности, на точки зрения, с которых человек смотрит на реальность, и вызывать изменения, которые отвечают этим потребностям или точкам зрения. Можно выделить три сферы влияния культурной дипломатии: культурная идентичность (социальная сфера), мягкая сила (политическая сфера) и креативная экономика (экономическая сфера). Что касается социального аспекта: культурная дипломатия подразумевает взаимный обмен между людьми и организациями, объединенными общими культурными интересами. Он отвечает реляционному и коммуникативному напряжению, присущему самой природе культуры: потребности выразить и передавать, что делает поиск реципиента, аудитории или просто кого-то, с кем можно поделиться, почти незаменимым.

Информационный век приблизил публичную сферу к частной: граждане имеют доступ к самому разнообразному контенту независимо от места и часового пояса: новости внешней политики, тенденции на мировых фондовых биржах, только что вышедшие иностранные фильмы, книги и статьи из почти каждой газета и издательство; невероятный объем информации, который ежедневно перемещается в сети, соответствует огромному количеству власти, которая в конечном итоге оказывается в руках любого, кто может получить к ней доступ. Кроме того, он не ограничивается распространением знаний, созданных кем-то другим, цифровой инструмент дает прямую возможность создавать контент, выражать личные мнения, делиться мыслями, подписывать петиции, читать, слушать, следить и публиковать все, что угодно (как говорится: у кого, что болит), предлагая бесконечные формы персонализации,

далекие от пассивного восприятия. Присутствие в социальных сетях является как возможностью, так и обязанностью также для политики и ее лидеров, в противном случае социальные издержки отрезания от виртуального мира были бы очень высокими и привели бы к огромной потере «мягкой силы». Цифровые технологии, по сути, представляют собой будущее дипломатии, позволяя фиксировать быструю реакцию на коммуникационные кампании, обеспечивая внезапные и соответствующие корректировки, а также информировать простым и прямым способом, привнося публичное измерение в обсуждаемые темы, а также оснащая дипломатия с новым, более неформальным и спонтанным тоном. Вовлечение народа в формирование политики – великая мечта демократии, новые технологии позволяют попытаться выйти за рамки простого онлайн-продвижения мероприятий, программ и событий, происходящих в реальной жизни, и вместо этого определить конкретное воздействие на людей, увеличивая их способность взаимодействовать и реагировать на то, что представлено, или даже предлагать новый контент. Использование информационных технологий для привлечения мыслей, вкусов и направления чьего-либо политического выбора путем обмена идеями и навыками эквивалентно усилению силы притяжения. Совместное использование, которое обучает цифровая вселенная, не только увеличивает способность других к сотрудничеству, но и их склонность к этому.

На текущий момент времени концепция «мягкой силы» в политике США не просматривается, а если и просматривается, то очень слабо. Об этом говорят исследователи, об этом говорят обычные люди и об этом говорит отчет Global Soft Power Index – ежегодное исследование, посвященное анализу уровня влияния государства в мире в плане способности эффективно реализовать «мягкую силу», чтобы добиться намеченных целей и решить стратегические задачи. Рейтинг построен на основе опроса не менее 100 тыс. респондентов из разных стран мира. В исследовании принимают участие около 120 стран. Буквально несколько лет назад США набирали «очки» в этом

рейтинге после эпидемии Covid-19 и даже пытались вырваться на лидирующие позиции. «Секретом такого взлета США в градации стран, владеющих «мягкой силой», не в последнюю очередь считается радикальное изменение политики реагирования на биологическую угрозу мирового масштаба. Положительные изменения, с точки зрения политологов, объясняются позитивным восприятием общественностью администрации президента Байдена, в отличие от довольно радикального подхода Дональда Трампа с его популярным девизом «Америка прежде всего». Сегодня ситуация в США не такая красочная и это очевидно: ползет вверх инфляция, нарастает недовольство американских граждан, появляются проблемы в поиске точек соприкосновения и ведения продуктивного диалога с другими странами. Все это требует грамотного решения.

Чтобы повторить концепцию «мягкой силы», Джозеф Най вернулся к этой теме накануне второй войны в Персидском заливе в 2003 году. В частности, гарвардский профессор указал пальцем на выбор, которого желала тогдашняя администрация США во главе с Джорджем Бушем-младшим, который сводился к тому, чтобы в одностороннем порядке применять силу принуждения в борьбе с терроризмом. По словам Ная, начало операции против Ирака и в частности – Саддама Хусейна, имеющей сомнительную юридическую ценность, скомпрометировало бы репутацию США и, следовательно, общий имидж страны за рубежом. Таким образом, американская культурная модель испытала бы ослабление своей силы. Отсюда можно увидеть в концепции «мягкой силы» центральное место понятий репутации и авторитета. То есть правительство, оценивая свои действия во внешней политике, не может игнорировать влияние, которое они могут оказать на его имидж в международном контексте. Таким образом, «мягкая сила» не включает в себя простую пропагандистскую акцию. В сложности современного мира, где существует множество политических и культурных факторов, способных направлять влияние общественного мнения, реализация плана «мягкой силы» означает, прежде всего, сделать собственный имидж

убедительным и попытаться оказать влияние только инструментами, которые не подразумевают использование материальных благ.

Дефицит «мягкой силы», который наблюдался в 1990-е годы, во второй половине 2000-х годов был устранен. Однако важно отметить, что отсутствие термина «мягкая сила» в политической риторике американского правительства и прежде отнюдь не означало ее отсутствия во внешней политике США. Программы Госдепартамента и Агентства по международному развитию вели деятельность как в 1990-е, так и в 2000-е годы. Следовательно, появление понятий «мягкая сила» и акцентирование ее продвижения в официальных заявлениях – свидетельство не столько начала ее применения, сколько более эффективного продвижения. В 2000-х годах было принято принципиальное решение о том, что эта составляющая американской внешней политики будет развиваться, усиливать свое содержание и приводить ко все большей активности внешнеполитических ведомств в этой сфере [11]. В системе, которая становится все более нестабильной и сотрясается каждый раз от преобладающего действия глобализации, необходимо переоценить роль ряда действующих лиц. В частности, способ понимания дипломатии должен развиваться планомерно и систематически, чтобы идти в ногу со временем, с участием институциональных субъектов, а также некоторых представителей гражданского общества, которые все более активно определяют направление социальной и экономической жизни всего континента. У руля глобальных изменений стоит Интернет, который переносит политические дискуссии в сеть со скоростью оптического волокна, вовлекает граждан, которые становятся все более информированными и активными, с растущими возможностями для принятия решений, имея весь мир в своем кармане, на кончиках своих пальцев. Консенсус, общественное мнение и стремление к созданию связей также приобретают большое значение, когда у руля не находится тоталитарный лидер, чья программа обычно состоит в призывном закрытии граждан в автаркическом пузыре, в котором каждый контакт с внешним миром тщательно контролируется, отфильтровано и вынуждено пройти через

объектив цензуры. Стремление к концентрации власти уступает место ее глобальному распространению и требует нового повествования об отношениях власти и влияния. Все формы власти имеют более или менее выраженные пределы, когда в задачи внешней политики входит стремление к общечеловеческим ценностям и правам, мягкая сила оказывается во многом превосходящей жесткую. Как пишет профессор Най: «Легче привлечь других к демократии, чем заставить их быть демократическими». С точки зрения исследования, оно может быть только неочечным: всякая форма суждения зависит от целей, которых стремятся достичь при ее использовании, и оно должно ограничиваться последними.

1.3. «Мягкая сила» как важная составляющая русской концептуальной инициативы

Чтобы понять, как формировалась и развивалась «мягкая сила» в России, имеет смысл зайти издалека, поэтому начнем с рассмотрения ситуации в СССР. Как ни странно, но именно марксистско-ленинская идеология, а не традиционные русские культурные элементы, подтолкнула Джозефа Ная к тому, чтобы приписать Советскому Союзу роль главного соперника Соединенных Штатов в области «мягкой силы». Действительно, ленинизму удавалось формировать целые народы более полувека, вдохновляя политические партии, битвы, протесты, войны и революции во всем мире. С приходом Сталина авторитет и привлекательность страны выросли. При этом источником восхищения стало само государство.

Целью советских операций влияния на Запад было не продвижение мировой революции, а спасение от угроз нового мирового конфликта. Советские дипломаты того времени выступали с похвальными инициативами, сначала поддерживая кампанию за всеобщее разоружение, а затем, после вступления СССР в Лигу Наций в 1934 году, содействуя коллективной безопасности. В Советском Союзе существовала сложная структура публичной дипломатии, контролируемая ЦК КПСС, которая стремилась

создать «общее дело» между народами СССР, организациями и гражданами всего мира. Главной советской организацией в этой области являлся ВОКС (Всесоюзное Общество Культурной Связи) – советская ассоциация культурных связей с зарубежьем, основанная в 1925 году, а его первым директором была Ольга Давидовна Каменева, сестра Льва Троцкого и жена революционера Льва Каменева. Целью объединения было ознакомление советского общества с культурными достижениями зарубежных стран и распространение культур народов Советского Союза за рубежом в целях содействия развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и других государств. Вторая мировая война, несмотря на разруху, которую она принесла, предоставила Советскому Союзу еще одну возможность увеличить свою привлекательность: победа над нацизмом представила страну в героическом облике державы-освободителя, по крайней мере, за пределами Центральной Европы. Таким образом, «мягкая сила» Советского Союза в этот период достигла беспрецедентного уровня. После смерти Сталина в 1953 году, после недолгого правления Георгия Маленкова, к власти пришел Никита Хрущев, а вместе с ним отказ от террора, повышение уровня жизни и примирение с «титовской» Югославией – перемены, которые вдохновили новое поколение советских коммунистов. Однако если подавление венгерского восстания 1956 г. и возведение Берлинской стены в 1961 г. свели на нет потенциал десталинизации в Европе, то в то же время такие эпизоды, как отставка Мосаддыка в Иране в 1953 г., конфликт в Алжире (1954-1962 гг.) и Суэцкий кризис 1956 г. принесли Советскому Союзу большой авторитет в развивающихся странах, укрепив его образ державы-защитника угнетенных. Именно новоизбранный президент США Джон Ф. Кеннеди признал, что арена соперничества между двумя сверхдержавами переместилась в страны «третьего мира» и что существует возможность поражения Запада. В 1958 году ВОКС был расформирован и заменен другой организацией - Союзом советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Самым известным его директором была

Валентина Терешкова, первая женщина-космонавт, занимавшая эту должность более десяти лет. ССОД был крупной, мощной и хорошо организованной структурой. У него были объекты по всему миру, в том числе более ста советских Домов науки и культуры, и около тысячи сотрудников, некоторые из которых были советскими гражданами, а другие были наняты на месте.

Примеров использования «мягкой силы» со стороны Советского Союза можно приводить очень много. Например, тот факт, что СССР спроектировал и построил Асуанскую плотину в Египте, указывает на «мягкую силу». Бывший министр иностранных дел Игорь Иванов сказал в интервью: «Они строили такие вещи, как Асуанская плотина, не потому, что строили идею Советского Союза, это было бы искусственно. Они готовили кадры, симпатизирующие СССР». Другим примером «мягкой силы», по словам Иванова, было присвоение в 1961 году Российскому университету дружбы народов имени конголезского лидера независимости Патриса Лумумбы. Там перспективная молодежь из стран «третьего мира» получала дополнительное образование за счет советского государства, которое ставило своей целью подготовку лояльных союзу кадров. Сегодня многие лидеры российской публичной дипломатии считают, что эта стратегия «мягкой силы» оказалась весьма успешной. В период, когда Леонид Брежнев был во главе СССР, Советский Союз достиг пика своего влияния. Принципиальное значение имело то, что за эти годы Советскому Союзу удалось убедить часть мира в том, что американская политика так же опасна, как и его собственная. Начиная с 1985 года, года прихода к власти Михаила Горбачева, советская мягкая сила получила новую жизнь, которая на этом историческом этапе достигла своего наивысшего уровня. Последний генеральный секретарь Коммунистической партии смог «демонтировать» тоталитаризм, используя марксистскую диалектику, чтобы дистанцироваться от классовой борьбы. Предположения, методы и результаты «горбачевской революции» имеют большое значение и сегодня, поскольку продолжают оказывать определенное влияние как на

Россию, так и на Запад. Горбачев также подтвердил ленинскую мысль, которая поддерживала существование тесной связи между советской внутренней и внешней политикой. Он провел реформы, известные как «перестройка и гласность». Первая состояла из комплекса мер, направленных на реорганизацию экономики и политической и социальной структуры страны и направленных на устранение стереотипа о советской угрозе Западу. Термин гласность, с другой стороны, на Западе переводился как «прозрачность», «открытость», но гласность рассматривалась как инструмент влияния и давления; первоначально предполагалось, что Коммунистическая партия Советского Союза получит больший контроль над ситуацией в стране. Политика Горбачева исходила из новых взаимоотношений с Западом. Это привело к демилитаризации международных отношений, запуску стратегического партнерства с США и строительству «общеевропейского дома» на пространстве, разделенном между НАТО и Варшавским договором. Советское открытие навязало западным правительствам взаимность и заставило их превратить в факты то, что до сих пор было только декларациями, например, в отношении сокращения ядерных вооружений. Реформы были важны в СССР, фактически они позволили освободить экономику страны от контроля мафии, проникшей во властные структуры всех уровней. Изменения, внесенные Горбачевым, были основаны на убеждении, что система, установленная Лениным, поддается реформированию, однако она оказалась ошибочной, и эти изменения способствовали распаду Советского Союза, формально распущенного Верховным Советом 26 декабря 1991 года.

После этого события большинство коммунистических партий мира распались или пережили головокружительный крах консенсуса; западный мир интерпретировал конец СССР как собственную победу над коммунизмом, и «мягкая сила» последнего практически исчезла. Были ликвидированы ассоциации дружбы и вся финансируемая государством структура общественной дипломатии; система фактически основывалась на коммунистической идеологии, отвергнутой постсоветской Россией. Однако

основная причина кроется в экономическом факторе: государство оказалось «на коленях» и больше не могло попросту финансировать проекты публичной дипломатии по всему миру. Косачев утверждает, что в 1991 году в зарубежных странах насчитывалось более ста обществ дружбы; когда Советский Союз распался, новое правительство во главе с Ельциным решило сохранить только центры, расположенные в собственности, законно принадлежащей России, всего около тридцати единиц. Таким образом, страна отказалась от жесткой дипломатии и мягкого принуждения. Начиная с 1991 года, зарождающаяся Российская Федерация столкнулась с крахом политической, экономической системы, системы безопасности, обороны, и «новые русские» оказались в элитах самого государства. Присутствие этих силовых групп привело к трудностям в отношениях с Западом. Россия требовала общеевропейской системы безопасности, основанной на взаимности и равноправии с другими странами, признания ее великой евразийской державой и, наконец, чувствовала возложенную на нее историей и своим статусом великой державы ответственность перед государствами, входящими в состав Содружеств Независимых Государств.

Что касается использования «мягкой силы» в России, то, как заявила Елена Осипова, изучавшая использование «мягкой силы» и публичной дипломатии в России: «чтобы лучше понять более позднюю трансформацию концепции в России, важно начать с изучения связанных идей и мировоззрений, которые послужили основой для его интерпретации, переосмысления и индигенизации с течением времени». Центральное место в этом размышлении занимает концепция суверенитета, которая стала фундаментальным принципом внутренней и внешней политики России. Николай Петров, профессор Высшей школы экономики в Москве, выделил два аспекта российского дискурса о суверенитете: превосходство последнего над демократией и стиль суверенного демократического развития, который не обязательно должен соответствовать западным стандартам. Еще одно интересное размышление о концепции суверенитета было сделано

кремлевским консультантом Владиславом Сурковым, который в своем выступлении в 2006 году утверждал, что уникальная российская политическая культура, а также склонность страдать от притяжения хаоса и раздробленности делают необходимым для страны выработать собственное видение суверенитета, основанное на консолидации и централизации власти и сопротивлении западному вмешательству во внутренние дела России. По словам Суркова, продвижение Западом либеральной демократии в 1990-е годы сознательно поощряло нестабильность и слабость внутри Министерства иностранных дел РФ, поэтому последнее должно реагировать на внешние по отношению к ее суверенитету угрозы. На этой интерпретации основывается разработка Россией подхода к своей внутренней и внешней политике, который прямо отказывается от принятия западных и, в частности, американских концепций и взглядов и обеспечивает основу для российской оборонной политики собственных интересов внутри страны и за рубежом.

Из представленного исторического обзора следует, что «мягкая сила» стала приоритетом для страны с начала 2000-х годов, однако официальное определение было выработано только в 2012 году.

В начале 2000-х Кремль, казалось, двигался к построению прозападного имиджа, принимая меры, близкие к концепции мягкой силы в американском стиле. В 2004 году, например, был создан Вальденсовский форум – международный дискуссионный клуб, названный в честь озера, расположенного недалеко от Великого Новгорода, где и состоялась первая встреча. Цель форума – способствовать диалогу между российской интеллектуальной элитой и международной, а также развитию независимого объективного научного анализа социальных, экономических и политических событий в России и мире. В тот же период олигархи инвестировали как в соседние, так и в западные страны, а в 2005 году «родился» Russia Today, всемирный новостной спутниковый канал, напоминающий американский CNN. Однако после этого начального этапа в силу многих проанализированных выше причин России стало ясно, что необходимо

разработать собственную концепцию «мягкой силы»; поэтому он предусматривал то, что можно назвать переделкой американского оригинала, предоставленного Наем.

Российская «мягкая сила» – сложный инструмент, имеющий собственные ресурсы и методы работы. Константин Косачев заявляет, что для Федерации невозможен экспорт модели, альтернативной западной или недавно сформированной китайской, по той простой причине, что российская модель все еще находится в стадии разработки. Однако он намерен экспортировать в другие страны условия, необходимые для разработки их концепций развития, поддержки и проектов регионального сотрудничества. В частности, бывший президент Россотрудничества поясняет, что в отношениях с иностранными государствами Россия использует специфический подход, основанный на «трех китах»: сотрудничество, безопасность и суверенитет. Косачев говорит, что страна предлагает сотрудничество в форме партнерства между равными, а не защиты, а что касается безопасности, Россия готова принять участие как в глобальных, так и в региональных институтах коллективной безопасности. Более сложным является вопрос суверенитета, которому официальный дискурс уделял больше внимания. Бывший президент Россотрудничества говорит, что оно понимается как невмешательство во внешние дела других стран и преподносится как основополагающий принцип международных отношений России. Далее он утверждает, что, хотя это и парадоксально для постимперского государства, Россия способна предложить меньшим государствам (в частности, бывшим советским республикам) эффективный геополитический суверенитет и независимость по трем причинам: во-первых, России не нужны новые территории; во-вторых, на протяжении веков страна смогла выработать действующую модель сосуществования культур, наций и религий. В его основе лежит способность ядра русской нации не только мирно сосуществовать с другими, но и вносить весомый вклад в их развитие. Этот аргумент выглядит убедительно на фоне кризиса европейского мультикультурализма и потому подвергается

пропагандистским атакам. В-третьих, «Россия может быть единственной державой для многих из этих стран в истории, которая «отпустила их» хотя бы раз, без войны и применения силы».

Размышления Косачева о столпах российского подхода в международных отношениях явно направлены на то, чтобы подчеркнуть контраст с США; он фактически заявил в интервью: США говорит своим партнерам: «Мы готовы помочь, считать вас союзниками, но для этого вы должны выполнить определенные условия. Вы должны стать демократичными, вы должны придерживаться экономических критериев МВФ, например, у вас должен быть такой-то бюджет и такой-то баланс. Есть условия для дружбы. Ты должен вести себя определенным образом или соответствовать определенным критериям, и тогда мы будем друзьями». Это не условие сотрудничества. Альтернативная российская модель говорит: «Мы готовы с тобой дружить, кем бы ты ни был. Мы уважаем вас. И того же мы просим от вас». Это принципиально иная модель отношений, без предварительных условий. Действуя таким образом, РФ надеется привлечь к себе все те страны, которые, по выражению Косачева, «устали от того, что им указывают, что делать». Российский подход *laissez-faire* подчеркивает двоякую цель стратегии страны в области мягкой силы: улучшить свой имидж в мире и в то же время дискредитировать модель, основанную на ценностях, продвигаемую западным миром и Соединенными Штатами в частности. Кроме того, российский дискурс о мягкой силе объясняет, что проецирование собственной привлекательности является общепринятой практикой, давно практикуемой всеми мировыми державами. Россия, таким образом, не должна изображать из себя «бедного брата», у нее есть все основания и ресурсы для того, чтобы ее точку зрения услышали, уважали и поддержали. Все ведущие мировые державы сегодня делают все возможное и невозможное, чтобы заручиться поддержкой своих позиций в обществах других государств. Однако существует некоторый скептицизм в отношении российской «мягкой силы». Это исходит в первую очередь из стран бывшего Советского Союза:

страны Балтии, например, осуждают создание, поддержание и поддержку сетей российского влияния в экономическом, культурном и политическом секторах, а также распространение неверной информации контролируемые Кремлем СМИ, направленными на лояльность соотечественников за рубежом к российскому государству. Даже западный мир неоднократно выказывал определенное недоверие; эксперты утверждают, что целью России является ослабление государственности постсоветских государств и расширение сферы своего влияния. Еще одна интерпретация гласит, что РФ пытается взять за основу западную концепцию «мягкой силы», используя ее как эвфемизм для принудительной политики и как инструмент экономического давления.

Можно сказать, что отношение русской общины за рубежом несколько неоднозначно: с одной стороны, она выражает определенную близость к России и ее правительству, с другой, однако, когда дело доходит до выбора, куда эмигрировать или где учиться, предпочитает Европу или Северную Америку. Роль соотечественников, русской диаспоры, также является предметом критики. Польский ученый Ярослав Чвек-Карпович подчеркивает, что российская политика в этой области противоречит самой концепции мягкой силы, поскольку вместо того, чтобы привлекать тех, кто не разделяет принципов и целей Федерации, она предпочитает уделять внимание тем, кто уже согласен с ней. Кроме того, Сергунин подчеркивает, что российская диаспора часто рассматривается политической элитой как своего рода «пятая колонна», выступающая против независимости государств, в которых она проживает. Некоторые российские эксперты ответили, что использование соотечественников за рубежом в качестве инструмента «мягкой силы» часто переоценивается, поскольку их число сокращается, а их политическая и культурная ориентация постепенно диверсифицируется.

Что касается привлекательности своих политических ценностей, то, по мнению ученых, России трудно примирить свои традиционные ценности с международно признанными демократическими. Как фактически констатирует Сергунин: «Москве трудно убедить других в том, что она

разделяет общечеловеческие ценности и готова распространять их по всему миру». России также не хватает эффективности внешнеполитических инструментов в области «мягкой силы»; фактически ни одна из крупномасштабных внешнеполитических инициатив, продвигаемых Российской Федерацией, не получила прочной международной поддержки. Россия также считает энергетический сектор ресурсом мягкой силы. Однако иностранные эксперты несколько критично отнеслись к этому аспекту; Российский энергетический потенциал, по сути, часто рассматривается как оружие, поэтому скорее, как инструмент «жесткой силы», чем как элемент притяжения. Две основные проблемы, с которыми сталкиваются критики в отношении российской «мягкой силы», – это отсутствие прозрачности и, применительно к постсоветскому пространству, отсутствие четкого разделения труда между двумя основными органами «мягкой силы»: Россотрудничеством и Русским миром. Кроме того, легко увидеть, что российские инструменты «мягкой силы» носят чисто государственный характер или подлежат государственному контролю. Использование потенциала НПО, например, не является приоритетом в РФ, настолько, что организации, которые имеют право принимать участие в деятельности «мягкой силы», являются на самом деле полугосударственными и имеют своей целевой аудиторией страны бывшего Советского Союза (например, Россотрудничество).

Как уже упоминалось, средства массовой информации представляют собой по преимуществу инструмент «мягкой силы». Они не просто носитель информации; их роль в обществе как форматоров общественного мнения, по сути, «стала также основополагающей для построения образа политики народом». Поэтому в России, как и во всем мире, средствам массовой информации сегодня, как и раньше, уделяется большое внимание. В 2016 году доля СМИ, официально зарегистрированных в Российской Федерации, увеличилась на 24%. Такие данные не могут не привести к дальнейшим размышлениям об их важности как акторов мягкой силы.

Сегодня у России существуют все возможности для того, чтобы сделать собственную национальную политику более продуманной и грамотной. Это объясняется тем фактом, что в сфере международных отношений сегодня явно прослеживается тенденция к «угасанию» национальной идеи. Вместе с этим многие страны утрачивают потенциал для ее продвижения в массы. Это явление можно рассмотреть на примере Евросоюза: интеграционные процессы построены таким образом, что неизбежно приводят к ограничению суверенитета отдельных государств. «Высокие» идеи мультикультурализма, восхваляемые лидерами ЕС, обернулись в конечном счете полным провалом.

В отличие от прогрессивного Запада, который постоянно пытается размыть национальную идею, в восточных государствах идеи мультикультурализма не то, чтобы невозможны по определению – сложно даже представить, что такая тема будет обсуждаться там. Все потому, что на Востоке свято чтут и берегут собственную культурную идентичность. При этом данный факт вовсе не означает, что «восточный мир» не может сосуществовать с «миром западным». Может. Просто культура Востока более устойчива и стабильна, она не претерпевает никаких трансформаций и преобразований под влиянием западной культуры. Моральные и этические ценности всегда остаются в центре внимания, и они всегда на первом месте. Казалось бы, что восточные ценности более близки России. Но нет. Она не примыкает ни к одной, ни к другой стороне, выступая в качестве медиатора между «западным» и «восточным» миром. Примеров тому можно привести немало: ситуация в Ливии, Сирии, на Украине.

Национальная идея вполне может стать основной политики практической реализации «мягкой силы». Однако, чтобы получить большой результат от ее применения, нужно использовать более современные подходы к ней, с учетом тех тенденции, которые сегодня наблюдаются на международной арене. Помимо разработки грамотных подходов и новых стратегий реализации, необходимо обеспечить условия для того, чтобы национальная идея стала общедоступной. Исходя из поставленных целей и

задач, в первую очередь, нужно направить свое внимание и свои силы на то, чтобы сплотить общество на фоне общей исторической и идеологической конъюнктуры.

В текущей ситуации в мире «мягкая сила» России не набирает обороты, как должно быть по логике вещей, а скорее, наоборот, «скатывается» до первоначальных значений – к отправной точке, откуда все начиналось. Этому, конечно же, способствовал очень давно назревавший и в конечном итоге разразившийся кризис на Украине. Свою «ложку дегтя в бочку меда» также добавили и натянутые отношения России со странами Евросоюза, США. Эти отношения давно перешли грань разумного и дозволенного, превратившись, по сути, в современный формат «широтной войны».

Сегодняшний мир все больше характеризуется той широко распространенной, всеобъемлющей и децентрализованной формой борьбы, которую мы называем «гибридной войной». Война, в которой участвует множество действующих лиц, создающих контрасты, и которая проявляется в совершенно новых и нетрадиционных формах. Это «тихий враг», которого культурная дипломатия должна отвергнуть. Необходимо радикально порвать со старыми стратегиями, делавшими акцент на сложности как характерном элементе системы международных отношений. Глобализация должна уметь управлять различиями между чувствами, которые не совпадают: в конечном счете, теми формами и процессами системы международных отношений, которые позволяют управлять разнообразием, устраняя спектр «жесткой силы».

Среди основных причин неэффективности (или правильно сказать малой эффективности) «мягкой силы» России в современном мире можно выделить следующие:

- до сих пор не разработана комплексная и продуманная стратегия реализации «мягкой силы» в условиях постоянно изменчивой ситуации в области международных отношений, а также, по сути, нет никакого позиционирования России за границей;

- отсутствуют либо не до конца изучены с точки зрения возможности применения важные институты и элементы «мягкой силы», с помощью которых можно было добиться усиления привлекательности российской внешней политики;
- недостаточно свежих конструктивных идей и наработок, направленных на поиск решений, как быстро и окончательно разрушить стереотипы о негативном образе РФ, который «рисуют» западные страны, а затем распространяют свое видение по миру;
- на данный момент не прослеживается прямой контакт государства с неправительственными организациями и СМИ;
- пока еще крайне незначительная роль цифровой дипломатии во внешней политике России.

Вышеперечисленные проблемы довольно серьезны и требуют решения. Если рассматривать причины, которые привели к возникновению подобных проблем, то можно выделить следующие: недостаток финансирования (мало средств выделяется на реализацию политики «мягкой силы»), очень слабое внедрение цифровых технологий, «недоразвитость» некоторых институтов в России. Надо отметить, что ресурсная база российской «мягкой силы» огромна, однако устоявшиеся стереотипы о негативном образе РФ «вставляют палки в колеса».

Среди важных ресурсов и составляющих элементов «мягкой силы» РФ можно выделить следующие:

1. Культурно-историческое наследие.
2. Русскоязычная диаспора за границей.
3. Русский язык, который в мире понимают около 300 млн. человек.
4. Высшее образование.
5. Миграционная политика.
6. Религиозный потенциал России.
7. Геополитический вес русского государства в системе международных отношений.

Чтобы эффективно применять имеющиеся в наличии инструменты «мягкой силы» во внешней политике, необходимо продумать, а потом и разработать идейное содержание «мягкой силы» – иными словами, послание всему миру, которое будет транслироваться через культуру, науку, высшее образование.

ГЛАВА 2. ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИТИКЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ И США

2.1. Национальные модели образовательных систем России и США

Роль образования в современном мире нельзя недооценивать, поскольку этот процесс необходим в равной степени значимости, как для самого человека, так и для развития страны. На сегодняшний день недостаточно просто получить высшее образование или закончить те или иные курсы, очень важно суметь применить полученные знания на практике и вкладывать все усилия на общественное и экономическое развитие [16].

Современному человеку невозможно представить свою жизнь без знаний. В настоящее время многие стремятся получать больше знаний, совершенствоваться. Каждый человек воспринимает понятие образованности по-разному. Дети и ученики считают, что образованный человек должен быть самым умным, много знать и читать. Студенты рассматривают данное понятие с точки зрения образования, считая, закончив учебное заведение, они станут образованными людьми. Старшее поколение воспринимает этот образ в более широком смысле, понимая, что, помимо обучения, образованный человек должен иметь собственный багаж знаний, социальный опыт, быть эрудированным и начитанным. Понятие «образованный человек» трактуется по-разному, однако главным во всех определениях является наличие образования, полученного разными способами [17].

Что касается системы образования, она занимает центральное место в педагогическом процессе, ведь она не только обеспечивает передачу формальных знаний об окружающей действительности и существующих в окружающем мире законов, правил и закономерностей, но и оказывает существенное влияние на развитие и формирование личности человека. Именно поэтому главной системой образования является регулирование и направление общения, деятельности и взаимодействия всех субъектов

образовательного процесса на способствование таких личностных качеств и свойств, которые являются необходимыми для самореализации каждого человека на данном конкретном этапе культурно-исторического развития государства и общества в целом. Любая система образования, вне зависимости от того, в какое время она существовала и в какой стране, претерпевала некоторые трансформации. Но на развитие системы образования всегда, в том числе и нашей страны, оказывают воздействия определенные факторы, а именно.

Существующий уровень развития общественного производства и совершенствование его научных и технических основ, что обуславливает возрастание требований к подготовке (как общеобразовательной, так и специализированной) будущих специалистов и соответствующему уровню развития (материально-технической базы, педагогического опыта и т.д.) учебно-воспитательных учреждений страны. Так, в странах, где уровень экономического и технического развития выше, соответственно, и сеть специализированных учебных заведений больше, и происходит возникновение все новых, усовершенствованных типов учебных заведений; Государственная политика в сфере образования, которая оказывает непосредственное влияние на развитие всех типов учебно-воспитательных учреждений страны и на особенности их функционирования, а также интересы различных сословий.

Исторический опыт, национальные и этнические особенности, которые нашли свое отражение в сфере народного образования; Педагогические факторы, среди которых стоит выделить раннее воспитание детей, для чего создавались ДОУ (изначально это было необходимо для освобождения женщин от хлопот по уходу за своими детьми в рабочее время, чтобы они могли принимать активное участие в общественно-полезном труде. Профессионально-техническое обучение, для подготовки молодежи к будущей профессиональной деятельности.

В данном параграфе мы рассмотрим модели образовательных систем России и Соединенных Штатов, выявим основные достоинства и недостатки этих систем, проанализируем, что общего в этих образовательных системах, а что отличает одну от другой. Начнем изучение с российской модели образовательной системы.

Образование в Российской Федерации – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов.

Российская система образования – это мощная совокупность четырех сотрудничающих структур. Федеральные стандарты и образовательные требования, которые определяют информационную составляющую учебных программ. Научные и образовательные институции. Структуры, осуществляющие управленческие и контрольные функции. Объединения юридических лиц, общественных групп и общественно-государственных компаний, работающих в системе образования РФ.

Разберем первый элемент структуры российского образования – федеральные стандарты и образовательные требования, которые определяют информационную составляющую учебных программ.

В стране реализуются два вида программ – общеобразовательные и специализированные, то есть профессиональные. Оба вида подразделяются на основные и дополнительные. К основным общеобразовательным программам относят: дошкольные; начальные; основные; средние (полные). Основные профессиональные программы подразделяются следующим образом: средние профессиональные; высшие профессиональные

(бакалавриат, специалитет, магистратура); послевузовское профессиональное обучение. Современная система образования в России предполагает несколько форм обучения: в стенах аудиторий (очная, очно-заочная (вечерняя), заочная); внутрисемейное; самообразование; экстернат.

Перейдем ко второму элементу – научные и образовательные институции. Они функционируют для реализации учебных программ. Образовательное учреждение – это структура, занятая осуществлением учебного процесса, то есть реализацией одной или нескольких обучающих программ. Учебное учреждение также обеспечивает содержание и воспитание учащихся. Схема системы образования в РФ выглядит так:

1. Первое звено – дошкольное обучение (детские садики, ясли-садики, центры раннего детского развития, прогимназии).
2. Второе звено – общеобразовательные заведения (школы, лицеи, гимназии), предлагающие начальное, основное и среднее образование.
3. Третье звено – среднее профобразование (училища, техникумы, лицеи, колледжи).
4. Четвертое звено – высшее образование (университеты, институты, академии).
5. Пятое звено – послевузовское образование (аспирантуры, докторантуры, ординатуры).

Учреждения образования бывают: государственными (регионального и федерального подчинения); муниципальными; негосударственными, то есть частными. Все они являются юридическими лицами. Типы образовательных заведений: дошкольные, общеобразовательные, начального, общего, высшего профобучения и послевузовского профобразования; военного высшего профобразования; дополнительного образования; специального и корректирующего обучения санаторного типа [18].

Учреждения – главное звено системы образования Российской Федерации. Обучающие заведения ведут учебно-воспитательную работу по

специально разработанным планам и сводам правил. Кратко систему образования в РФ описать невозможно, поскольку она многообразна и складывается из разных составляющих. Но все они входят в комплекс, призванный на каждой образовательной ступени осуществить последовательное развитие индивидуальных и профессиональных качественных показателей личности. Образовательные учреждения и всевозможные виды обучения образуют российскую систему непрерывного образования, которая сочетает такие типы обучения: государственное, дополнительное, самообразование.

Программы образования в педагогической системе РФ - это целостные документы, разработанные с учетом: ФГОС, на которые приходится более 70 % содержания образовательных программ; национально-региональных запросов. ФГОС – Федеральные государственные образовательные стандарты – содержат требования, соблюдение которых обязательно для учреждений, имеющих государственную аккредитацию.

Развитие системы образования в России невозможно представить без полноценного формирования личности, которое достигается при овладении глубокими знаниями, профессиональными умениями, навыками и солидными компетенциями по одной или нескольким профессиям. Реформирование профобразования призвано обеспечить прогресс каждому обучающемуся. К основным направлениям совершенствования профобразования относятся: укрепление и расширение материальной основы профобразования; создание на предприятиях центров практики; привлечение к подготовке кадров профессионалов-производственников; повышение качества обучения специалистов.

Основной документ, регулирующий деятельность учебных учреждений, – это принятый в 2012 году Закон «Об образовании в Российской Федерации». В нем изложено отношение к процессу обучения и регламентирована его финансовая составляющая. Поскольку система обучения находится на стадии реформирования и

совершенствования, время от времени появляются новые указы и приказы, и перечень нормативных актов постоянно пополняется, но на сегодня в него включены: Конституция РФ. Целевая программа развития образования. Федеральные законы «О высшем и послевузовском образовании», «О внесении изменений в законодательные акты об уровнях высшего профобразования». Приказы Минобрнауки «О головных вузах и организациях», «О реализации Болонской программы». Примерные положения об организации учебного процесса. Концепция модернизации системы образования в России. Постановление «О сотрудничестве с зарубежными организациями в области образования». Типовые положения о дополнительном обучении. В список также входят законы, постановления, указы и распоряжения, касающиеся отдельно каждого «этажа» образовательной системы.

На верхней ступени стоит Министерство образования и науки, занятое выработкой доктрины учебной сферы и составлением нормативно-правовых документов. Далее располагаются федеральные агентства и исполнители муниципального уровня. Коллективы местного самоуправления следят за реализацией вышедших актов в структурах образования. Любая управленческая организация имеет свои четко прописанные полномочия, которые передаются от высшего уровня к низшему, не обладающему правами на реализацию некоторых действий в образовательной политике. Это не означает делегирование права на финансирование тех или иных мероприятий без согласования с вышестоящей структурой. Инспектирование общего соблюдения законодательных положений ведет государственно-общественная система управления образованием в РФ. Входящие в нее организации заняты в основном вопросами функционирования школ и контролем выполнения принципов: гуманного и демократического подхода в управлении; систематичности и целостности; правдивости и полноты сведений. Чтобы политика была последовательной, в стране существует

система органов управления образованием следующих уровней: центрального; вневедомственного; республиканского; автономно-областного; автономно-окружного. Благодаря сочетанию централизованного и децентрализованного управления удастся обеспечивать работу администраторов и общественных организаций в интересах коллективов. Это создает плацдарм для внедрения управленческих постановлений без дублирования и приводит к повышению координации действий всех подразделений образовательной системы.

Таким образом, все этапы системы образования обеспечивают в рамках социально принятого педагогического процесса решение основной задачи системы образования по созданию социально приемлемой развитой личности. При этом через личность, включенную в экономические, политические, духовные, иные социальные связи, реализуется связь системы образования со всеми областями общественной жизни. Этим обуславливаются многообразные функции системы образования, реализующиеся как внутри самой системы образования путем влияния на педагогический процесс, так и в осуществлении связи системы образования с другими социальными системами общества. Реализация функций системы образования в реальной жизни происходит в процессе приобретения знаний и социального опыта, накопленного в обществе, подрастающим поколением. Этот процесс и его результат являются частью системы образования и обеспечены методическими принципами и приемами педагогической системы [19].

Перейдем к изучению образовательной системы Соединенных Штатов.

Образовательная система в США является важным институтом американского общества, построенного на принципах интеграции и поликультурности. В силу специфики исторического процесса и своеобразности американской модели правоприменения, система

образования в США регулируется целым рядом законов федерального уровня и специфическими законодательными инициативами каждого из штатов.

В силу исторических причин вопросы регулирования образовательной системы рассматриваются Конституцией страны. Это обуславливает сложившуюся систему управления образовательной системой: федеральное правительство США минимально влияет на систему образования, в основном вопросы образования регулируются правительствами штатов США и местными властями, оказывающими влияние на содержание учебных программ. В стране нет принятых единых для всей страны учебных программ или стандартов, что оставляет как возможность и реализации консервативной образовательной политики в ряде штатов, так и возможности адаптации образовательной среды под меняющееся внешнее окружение, что наиболее часто связано с меняющимися финансово-экономическими факторами и динамикой этнокультурных процессов, протекающих в некоторых штатах (например, Калифорния).

В США региональные органы управления образованием (советы или департаменты) определяют образовательную политику штатов и одновременно являются проводниками средств федерального бюджета, которые выделяются на определенные нужды всех региональных систем⁴². Контроль в системе общего образования включает несколько составляющих, среди которых главная – академический контроль и система оценки успеваемости учащихся. Контроль над состоянием системы высшего образования имеет специфические особенности. Поскольку на федеральном уровне никаких образовательных стандартов для высших учебных заведений в США не устанавливается, основу академического контроля здесь составляет система аккредитации вузов. Несмотря на то что аккредитация по своему характеру добровольна, большинство учебных заведений стремится ее получить ^{43 / 44}, т.к. основными целями аккредитации являются: установление соответствия вуза или его отдельных программ определенным

стандартам; помощь будущим студентам в выборе правильного вуза; защита вуза от нежелательного вмешательства со стороны государственных органов; установление критериев для профессиональной сертификации и лицензирования; обеспечение вузу одного из основных критериев для предоставления государственной финансовой помощи.

Система образования США характеризуется гибкостью и демократичностью: при высоком разнообразии программ у учащихся – как школьников, так и студентов – есть возможность самостоятельного выбора изучаемых дисциплин, а также смены специализации. Даже в университете можно переходить с одного факультета на другой, изучать дополнительные предметы и составлять собственную образовательную программу.

Оценивая систему образования США, «следует отметить наличие относительного равновесия в самой организационной системе, что создается особенностями внутренней структуры и дифференциацией уровней управления. Механизм саморегулирования основных процессов в сфере образования зиждется на двух ключевых факторах: высоком уровне финансовых поступлений в эту сферу и стимулах рыночных механизмов в условиях значительной автономии образовательных учреждений, что создает предпосылки для раскрытия инициативы и творческого потенциала» [20]. Обучение в США – это отличный старт для молодежи. Цель системы образования в этой стране – воспитать разностороннюю личность с активной жизненной позицией.

Система образования в США включает в себя:

1. Дошкольное образование. В США образованием дошкольников занимаются ясли, детские сады. Отправить в них ребенка можно с раннего возраста, с полугода. Дошкольное образование в Америке носит факультативный характер – посещать детский сад или подготовительные группы необязательно.

2. Начальная школа. Перед поступлением в начальную школу будущие ученики сдают вступительный тест. Это письменное испытание, которое показывает уровень развития и интеллекта, помогает определить способности ребенка. По результатам тестов учеников распределяют по классам. Иностранцы могут поступить в начальную школу при условии, что ребенок проживает в США. Он может жить с опекунами или родителями. Продолжительность обучения на этом этапе – пять или шесть лет, это зависит от штата. Занятия проходят в свободной форме, за парты дети садятся ближе к окончанию младшей школы. Основные предметы – математику, чтение, английский язык, естествознание, литературу – преподает один учитель. Помимо них, дети изучают искусство, занимаются творчеством, спортом. Такие уроки ведут другие учителя.
3. Средняя школа. Этот этап делится на два: младшая и старшая средняя школа. Единая образовательная программа – с шестого по восьмой класс. Для старшей средней школы каждое учебное заведение разрабатывает ее самостоятельно. С восьмого класса ученики могут выбрать предметы, которые хотят изучать. Помимо этого, они обязательно учат математику, социальные и естественные науки, историю, английский язык, искусство. Могут дополнительно изучать иностранные языки. Американские школьники не только посещают уроки, но и занимаются в школе спортом, участвуют в кружках, клубах по интересам, выполняют общественно-полезную работу. Это обязательный компонент среднего образования, который дает детям необходимые навыки социализации, обеспечивает гармоничное развитие личности. На этом этапе талантливые ученики могут выбрать программы повышенной сложности по отдельным предметам. Большое внимание уделяется самостоятельному изучению отдельных тем.

4. Старшая школа. Ученики 9-12 классов обязательно изучают математику, естественные и общественные науки, английский язык, занимаются спортом, искусством. Обучение носит не только теоретический характер: школьники выполняют лабораторные работы, практические задания. Последние 2 года одаренные школьники могут изучать программы повышенной сложности (Advanced Placement). Обычно предметы, изучаемые на AP соответствуют уровню 1 или даже 2 курса университета. Успешная сдача Advanced Placement обеспечивает ученикам льготы при поступлении в американские университеты, а также многие британские, немецкие, израильские, канадские вузы.
5. Высшее образование. Как и в случае со школами, единой образовательной программы у американских вузов нет. Стандарты определяют на уровне штата. Как правило, первые два года студенты изучают общеобразовательные предметы, а специализация начинается с третьего курса. Это делает обучение в американских университетах особенно привлекательным: за первые два года обучения студент может изменить свою специализацию. Бакалавриат - начальный этап высшего образования. Студенты учатся 4 года, при этом они могут сами выбирать программу. Условия учебы – гибкие, после окончания обучения – экзамены. По их результатам выпускники получают степень бакалавра. Магистратура - это следующий этап, направленный на получение более глубоких теоретических знаний или на совершенствование практических навыков. После окончания обучения студенты получают магистерскую степень. Для этого они пишут и защищают диссертацию. Докторатура - чтобы преподавать в высших учебных заведениях, строить карьеру исследователя или ученого, студентам необходимо получить докторскую степень. Продолжительность обучения в докторантуре – около трех - четырех лет, в течение которых учащиеся занимаются исследовательской деятельностью, работают над докторской диссертацией [21].

Таким образом, американская система образования значительно отличается от российской. Американская система не имеет единого плана: общие его положения вырабатывают на уровне штата, а подробно определяют в каждой конкретной школе. Поэтому важно принимать во внимание опыт других стран, чтобы создать наиболее оптимальный вариант развития образования в нашей стране.

2.2. Ведущие образовательные проекты России и США

Соединенные Штаты и Россия сохраняют потенциал для сотрудничества в сфере образования между университетами двух стран. Об этом заявил Чрезвычайный и Полномочный Посол России в США Анатолий Антонов на торжественном приеме участников международной образовательной конференции NAFSA 2019 Annual Conference & Expo в Вашингтоне. «На сегодняшний день сохраняется большой потенциал для развития образовательного сотрудничества между университетами России и Америки. Наша страна, как и многие другие, заинтересована в привлечении талантливых студентов из-за рубежа. В связи с этим полагаю, что необходимо развивать российско-американские программы двух дипломов, совместные магистратуры и аспирантуры, поддерживать практику взаимных поездок профессорско-преподавательского состава, расширять совместные научные исследования, так как серьезная наука интернациональна по своей природе», – уверен посол. Согласно предварительным данным, полученным осенью 2018 года, в вузах – участниках проекта 5-100 обучалось примерно 27% всех американских студентов в России. Самым популярным у студентов из США стал Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), в котором осенью 2018 года проходили обучение около 40% от всех американских студентов университетов Проекта 5-100. Увеличить количество обучающихся в России иностранных студентов и аспирантов, по мнению экспертов возможно, в том числе за счет внедрения новых форматов

обучения и развития научно-образовательных кластеров, которые станут центрами притяжения для талантливой молодёжи из стран ближнего и дальнего зарубежья, иностранных молодых учёных и специалистов. Например, Университет ИТМО реализует совместную программу магистратуры по фотонике («Квантовые коммуникации и фемтотехнологии») с Университетом Рочестера (University of Rochester). Программа направлена на подготовку специалистов мирового класса в области оптических и квантовых технологий – профессионалов, которые будут крайне востребованы инновационными компаниями по всему миру. «Это первая в России образовательная программа, позволяющая студентам получить практические навыки в сфере квантовых коммуникаций, работая с мультиобъектными квантовыми сетями, которые запущены на базе действующих оптоволоконных линий связи», – отметила первый проректор Университета ИТМО Дарья Козлова, выступив на Leadership Symposium. Эксперты отмечают, что среди приоритетных для российских университетов направлений деятельности в части международного сотрудничества можно выделить организацию и участие в международных научных исследованиях и проектах, развитие программ академической мобильности, расширение пакета международных соглашений и коллабораций с ведущими мировыми научными и образовательными организациями, в том числе в рамках участия в выставках и форумах. В число наиболее активно развивающих международные связи университетов входит НИЯУ МИФИ, который ведет сотрудничество с профильными зарубежными вузами и научными организациями по всему миру для совместной разработки и продвижения образовательных программ по новым перспективным направлениям. Так, с конца 2016 года вуз сотрудничает с Университетом штата Нью-Йорк в Буффало (State University of New York at Buffalo – SUNY Buffalo) в новых областях научных исследований, включая нанофотонику, биофотонику, ядерную и лучевую наномедицины. По словам научного руководителя ИФИБ

НИЯУ МИФИ Андрея Кабашина, уникальные взаимодополняющие экспертизы НИЯУ МИФИ и SUNY Buffalo привели к целой серии прорывных научных результатов в области лазерно-абляционного синтеза и функционализации уникальных наноформуляций, а также их биомедицинских применений и формализовались в совместное наставничество и руководство студентами и аспирантами.

В 2017 году была разработана и началась реализация образовательной программы по принципиально новому направлению Biomedical nanotechnologies, которая в данный момент реализуется на всех уровнях подготовки. В дальнейшем планируется расширение и углубление курсов в рамках Biomedical Nanotechnologies, а также разработка новых программ в области нанотерапии. Американско-российская программа двойных дипломов, позволяющая получить две магистерские степени, одна из которых американская, по стоимости значительно ниже стоимости американского образования, с 2012 года реализуется в Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ) совместно с Университетом Кларка (Clark University). Подготовка по направлению «Менеджмент: геоинформационные технологии в управлении» позволяет сочетать технические навыки в области IT-технологий с пониманием практик менеджмента России и США. «Программа сочетает глубокое изучение теории и практическую подготовку магистранта к профессиональной деятельности (проектная работа, деловые игры и симуляции и т.д.), ориентированные на методы и стиль работы международных компаний», – пояснила Татьяна Васильева, руководитель центра международных образовательных программ ЮУрГУ. По окончании обучения предоставляется возможность профессиональной стажировки по специальности в ведущих американских компаниях в США на период от 12 до 36 месяцев. В Тюменском государственном университете (ТюмГУ) отметили, что среди совместных с университетами США образовательных программ наибольшей популярностью пользуются программы

«Биологическая безопасность растений» и «Математическая биология и биоинформатика» [22].

Однако, в связи с сегодняшней ситуацией в мире, все образовательное сотрудничество снизилось, все совместные ведущие образовательные проекты и программы по обмену студентов были отменены. Драматические события на Украине в феврале 2022 г., юридическое признание Россией ДНР и ЛНР, выход России из давно не работавших Минских соглашений, последовавшая за ними специальная военная операция по защите Донбасса – все эти события изменяют не только архитектуру европейской безопасности, но и весь современный образовательный ландшафт. Правящие круги США, опираясь на националистический режим Украины, сделали ставку на решительный удар по России, ее жизненно важным национальным интересам. Специальная военная операция оказалась вынужденной мерой, неизбежным и необходимым силовым ответом на поощряемый Западом геноцид русского населения Донбасса, циничное и уже не скрываемое игнорирование российских озабоченностей по поводу реваншистских намерений преступного украинского режима вернуть Крым силой и залить кровью Донбасс. Заявления президента Украины В. Зеленского о необходимости создания ядерного оружия, интеграции Украины в НАТО стали последней «каплей, переполнившей чашу терпения» Кремля. «Украинский плацдарм» с его оголтелой русофобской политической линией явился самым большим и опасным геополитическим вызовом для России. В этих условиях столь решительная мера масштабного применения российских войск положила конец крайне миролюбивой и пассивной политике прежнего времени, решительно поменяла стиль внешней политики нашей страны [24].

С 26 по 31 мая в Вашингтоне прошла ежегодная конференция в сфере международного образования NAFSA 2019 Annual Conference & Expo. Мероприятие является одним из крупнейших мировых образовательных форумов. В этом году Проект 5-100 представили на выставке

13 университетов: БФУ им. Канта, ДВФУ, ВШЭ, Университет ИТМО, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», НИТУ «МИСиС», МИФИ, Университет Лобачевского, РУДН, Самарский университет, СПбПУ, ТюмГУ и УрФУ. В рамках мероприятия представители ведущих российских вузов обсудили с зарубежными коллегами современные тенденции в сфере высшего образования, образовательные модели в эпоху цифровых трансформаций, лучшие практики ведущих образовательных центров, новые подходы к университетскому партнерству и перспективные направления сотрудничества. Так представители СПбПУ провели в рамках NAFSA 2019 Annual Conference & Expo около 100 встреч. Екатерина Беляевская, начальник отдела международного межвузовского сотрудничества СПбПУ, отметила, что с американскими партнерами, в числе которых University of New Hampshire, удалось обсудить вопросы расширения студенческой мобильности. В вузе сообщили, что на данный момент налажены студенческие обмены между американским вузом и 3-мя институтами СПбПУ. Стороны планируют расширить число образовательных направлений для студенческих обменов.

В ходе брифинга официальный представитель Министерства иностранных дел РФ (МИД) Мария Захарова сообщила, что Россия уведомила США о прекращении действия меморандума о сотрудничестве стран в областях культуры, науки, образования и СМИ. По словам Захаровой, дальнейшее сохранение отношений в этом ключе потеряло смысл. Ноту с уведомлением о решении передали первого июня в московское посольство США.

О возможном разрыве соглашения в конце мая этого года сообщало издание «Известия» со ссылкой на ответ кабмина на депутатский запрос парламентария от КПРФ Сергея Обухова. Согласно документу, Минобрнауки совместно с МИД РФ анализировали нормативно-правовую базу соглашений между РФ и США в сфере научно-

образовательного сотрудничества «на предмет их прекращения или приостановления».

В список таких соглашений входят:

- соглашение о научно-техническом сотрудничестве от 1993 года (продлено до 2025 года);
- меморандум о взаимопонимании между РФ и США о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации 1998 года;
- меморандум о взаимопонимании между Минобрнауки России и минторговли США о сотрудничестве в области технологий и инноваций 2004 года;
- меморандум о взаимопонимании между Минобрнауки России и США о расширении сотрудничества и обменов в области образования от 2006 года;
- соглашение о сотрудничестве в области сейсмологии и геодинамики между Минобрнауки России и Национальным научным фондом и Геологической службой МВД США от 2012 года [23].

Рассматривая меморандум о взаимоотношении между РФ и США, Москва и Вашингтон тогда договорились содействовать упрочению взаимного сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования, архивного дела и средств массовой информации. Они выразили намерение поощрять развитие культурных обменов для содействия лучшему пониманию культуры друг друга. Стороны также условились поощрять научные исследования в этой сфере, проводимые учреждениями обеих стран, оказывать содействие в изучении английского и русского языков в РФ и США соответственно, способствовать учебным и научным обменам студентов, преподавателей и ученых, поощрять развитие контактов между библиотеками и архивами. Среди других положений меморандума – содействие обменам и контактам между представителями

СМИ, а также поощрение контактов и сотрудничества между "молодежными, женскими и другими неправительственными организациями двух стран". Было установлено, что по вопросам сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации Россия и США намерены руководствоваться указанным меморандумом в соответствии с национальными законодательствами, а также международным правом - начиная со дня подписания документа и «до тех пор, пока один из участников не сообщит в письменной форме другому участнику о противоположном решении» [26].

Сейчас нет достаточной информации о том, какие из указанных соглашений действительно могут быть прекращены по инициативе российской стороны, а какие прорабатываются на предмет расторжения только на случай крайней необходимости или воли США, сказал «Известиям» автор обращения в правительство депутат Сергей Обухов. Прекращать научное сотрудничество с США и ЕС в проектах класса «мегасайенс» в отличие от своих западных коллег Россия не спешит. 28 февраля Минобр ФРГ в одностороннем порядке приостановил двустороннее научное сотрудничество, включая осуществление проектов класса «мегасайенс» XFEL и FAIR. Французский ESRF также придерживается позиции приостановления сотрудничества с Москвой.

Как указано в ответе правительства, выходить из других ключевых документов пока не планируется. Исключать применение инструментов Болонского процесса Россия не намерена, потому что, кроме европейских стран, систему применяют такие страны СНГ, как Казахстан, Армения, Азербайджан, Молдавия и Белоруссия. Двухуровневое высшее образование также повсеместно используется в странах Азиатско-Тихоокеанского, Африканского и Латиноамериканского регионов. «Даже в случае прекращения участия Российской Федерации в Болонском процессе полный возврат к традиционным квалификациям специалиста представляется

нецелесообразным», – сообщил в мартовском ответе кабмин. Тем не менее 24 мая глава Минобрнауки Валерий Фальков заявил, что ведомство намерено отказаться от Болонской системы и разработать свою собственную систему высшего образования. Это предложение также поддержали фракции Госдумы и СК [25].

Таким образом, Россия оборвала полностью сотрудничество с США в области культуры, науки и образования, что, с одной стороны, способствует развитию внутренней политики страны, созданию новых образовательных программ, проектов, а с другой стороны отсутствие мирового сотрудничества, снижению глобализации.

2.3. Дальнейшие перспективы российского и американского образовательного сотрудничества

В российско-американских отношениях существует интересная закономерность. Лидеры России и США каждые пять-шесть лет торжественно объявляют об окончании «холодной войны». Спустя несколько лет стороны – Москва и Вашингтон – оказывались, однако, в состоянии нового военно-политического кризиса. Российские и американские представители опять начинали переговоры о контроле над вооружениями и партнерстве, после чего цикл сближения / расхождения повторялся заново. Неудача всех предшествующих попыток российско-американского сближения позволяет сделать два вывода. Первый: проблемы в двусторонних отношениях вызваны не злой волей лидеров России и США, а более глубинными причинами. Второй: высокий уровень конфликтности в российско-американском взаимодействии обусловлен не столько наследием холодной войны, сколько наличием системных противоречий. Возникают вопросы: что определяет конфликтность российско-американских отношений и можно ли прогнозировать, а в идеале и корректировать, циклы

роста / снижения взаимной напряженности на среднесрочную перспективу до 2025 года.

Эволюция российско-американских отношений

Такая закономерность не случайна. Материально-техническая основа российско-американских отношений почти не изменилась со времен холодной войны. Взаимодействие России и США, как в прошлом отношения СССР и США, строятся на базе взаимного ядерного сдерживания и логике взаимно гарантированного уничтожения. Развитие экономических связей до недавнего времени было заблокировано «поправкой Джексона–Веника» 1974 г. и малым объемом внешней торговли. Такая система неизбежно воспроизводит логику военно-политической конфронтации в двусторонних отношениях. Циклический характер был присущ советско-американским отношениям после 1945 г. В них отчетливо прослеживаются периоды, когда Москва и Вашингтон пытались вести диалог в стратегической сфере, свертывали переговорный процесс, балансировали на грани военно-политической конфронтации и снова пытались начать диалог. Эту логику унаследовали и российско-американские отношения. Недолгие периоды «сближения» России и США были связаны с диалогом в стратегической сфере; периоды «расхождения» – с невозможностью договориться о правилах ревизии стратегической стабильности. Первая попытка российско-американского сближения охватывала период 1991-1993 годов. После распада Советского Союза российское руководство во главе с Б. Н. Ельциным (1991-1999 года) хотело добиться:

- признания России в границах РСФСР 1991 г.;
- вывоза ядерного оружия (ЯО) с территории республик бывшего СССР;
- получения международного признания в борьбе с Верховным советом.

В рамках Кэмп-Дэвидской декларации (3 февраля 1993 г.) президенты Б. Н. Ельцин и Дж. Буш-старший заявили о намерении построить «союз новых партнеров». В Вашингтонской хартии (17 июня 1992 г.) фиксировалось

намерение сторон построить «общую систему безопасности от Ванкувера до Владивостока». Но США были готовы поддержать Б. Н. Ельцина только при условии глубокого сокращения советского военного (прежде всего, ядерного) потенциала. Поэтому после решения трех ситуативных задач в двусторонних отношениях начал накапливаться конфликтный потенциал. «Малая конфронтация» России и США конца 1990-х годов стала закономерным результатом взаимного разочарования сторон друг в друге. Соединенные Штаты поддержали Б. Н. Ельцина в его противостоянии с Верховным Советом (1993) и КПРФ (1996). Отказ Б. Н. Ельцина от продолжения сокращения вооружений был воспринят в Вашингтоне как нарушение негласных условий «сделки» начала 1990-х годов. За действиями США Москва видела попытку произвести революцию в системе мирового управления: снизить роль ООН за счет возвышения тандема «Большая семерка-НАТО». Под воздействием этих факторов российские стратегические ядерные силы (СЯС) стали рассматриваться как гарантия безопасности России от потенциально враждебных действий со стороны Соединенных Штатов.

Вторая попытка сближения охватывала период 2001-2003 гг. В его основе лежала необходимость предотвратить коллапс системы контроля над вооружениями. Такая угроза стала реальностью после отказа России ратифицировать Договор СНВ-2 и объявления администрацией У. Клинтона о намерении выйти из Договора по ПРО. Психологическим фоном для переговоров стало взаимодействие сторон в рамках антитеррористической операции в Афганистане на рубеже 2001–2002 гг. Москва согласилась с выходом США из Договора по ПРО и запустила совместные с НАТО программы по развитию систем ПВО и ПРО ТВД. Администрация Дж. Буша-младшего со своей стороны подписала с Россией Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) (2002 г.) и Московскую декларацию о стратегическом партнерстве, в соответствии с которой

обязались консультироваться Москвой по всем вопросам развертывания систем ПРО.

Третья попытка сближения охватывает так называемый период «Перезагрузки» 2009–2011 гг. В ее основе лежали объективные причины: (1) опасность коллапса режима контроля над вооружениями, (2) необходимость снижения угрозы военного столкновения России и США и (3) стремление администрации Барака Обамы выяснить, на каких условиях Москва готова к крупному сокращению стратегического потенциала. На протяжении первых полутора лет политика «Перезагрузки» была относительно успешной. России и США удалось заключить Договор СНВ-3 (Пражский договор) и ввести в действие «Соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии» («Соглашение 1, 2, 3»). Стороны расширили сотрудничество по Афганистану – вплоть до создания в Ульяновске транспортно-логистического центра для транзита натовских грузов. США приостановили процесс расширения НАТО на постсоветское пространство и развертывание «третьего позиционного района» ПРО на территории Польши и Чехии. Москва стала взаимодействовать с США по вопросам ядерной программы Ирана, а Вашингтон снизил степень американского вмешательства во внутривосточные процессы в странах СНГ, прежде всего на Украине.

Но к середине 2010 г. в политике «Перезагрузки» наметились проблемы. У сторон возникли разногласия по трактовке преамбулы Договора СНВ-3, которая фиксировала взаимосвязь переговоров по ПРО / СНВ. Россия разработала проект дополнительного протокола к СНВ-3, касающийся ПРО. Белый дом предложил Москве подписать декларацию о сотрудничестве в сфере ПРО. Но за минувшие 15 лет Россия и США подписали как минимум пять подобных деклараций, которые выполнены не были. На Вашингтонском саммите 24 июня 2010 г. соглашения по ПРО достигнуто не было.

Президенты Б. Обама и Д. А. Медведев ограничились совместным заявлением о намерении сотрудничать в области наблюдения запусками баллистических ракет. В последующие полтора года разрешить проблему ПРО стороны не смогли. На Лиссабонском саммите НАТО 20 ноября 2010 г. Россия и страны альянса договорились искать компромисс в рамках проекта ЕвроПРО. Но 9 января 2011 г. Совет НАТО принял решение, что система ЕвроПРО альянса будет развертываться отдельно от России. Переговоры Совета Россия-НАТО в Сочи (4 июля 2011 г.) не завершились успехом. Провал переговоров по ПРО накануне Чикагского саммита НАТО (май 2012 г.) означал, что поиск компромисса отложен на неопределенный срок. Параллельно на протяжении 2011-2012 гг. в российско-американских отношениях назревал комплекс противоречий, вызванный: отказом России начать переговоры по сокращению тактического ядерного оружия (ТЯО) в Европе; недовольством российской стороны операцией НАТО в Ливии; расхождением позиций Москвы и Вашингтона по Сирии; активизацией с осени 2011 г. политики США в Центральной Азии; обострением гуманитарных проблем вроде «дела Магницкого» и «дела Бута» [26].

Согласно многочисленным прогнозам политологов и экспертов в области международных отношений и внешней политики РФ российско-американские отношения в ближайшем будущем будут оставаться довольно конфликтными. Наиболее острые проблемы наблюдаются в сфере стратегической стабильности и непосредственно с ней связанной проблематикой нераспространения ядерного оружия. Менее значимыми, но от того не менее конфликтными выступают энергетические и международно-правовые проблемы. Еще больше российско-американские отношения осложняются отсутствием у сторон какого-либо комплекса стабилизирующих экономических связей. Единственным таким фактором может считаться система военно-стратегического паритета. Таким образом, в настоящее время российско-американские отношения находятся на крайне низком уровне.

Перспективы в них останутся прежними. Единственной позитивной тенденцией можно считать рост торговли между странами, однако с учетом масштабов национальных экономик России и США ее уровень по-прежнему остается минимальным: переговоры между странами не ведутся и совместных проектов не планируется [27].

Из всех вышеперечисленных конфликтных ситуаций между Россией и США, выявляется и отказ от образовательного сотрудничества. В настоящее время у России и США отношения находятся на нуле, они не заморожены и не развиты, никаких отношений. Можем предположить о примерных сценариях развития российско-американских отношений в образовательной сфере:

Нейтралитет

Российско-американские отношения заморожены, каждая из сторон не проявляет интереса к сотрудничеству в образовательной сфере, что снижает развитие доверия и взаимного уважения ценностей народов государств.

Военный

Обмен ядерными ударами. То есть, если Россия нанесет ядерный удар по США, Америка обязательно нанесет удар в ответ, и наоборот. Следовательно, погибнет около 250 тысяч людей. Проще говоря, исчезнет все необходимое для жизнеобеспечения людей. В результате большая часть населения погибнет в течение нескольких месяцев от голода. Происходить эскалация конфликта, об образовательном сотрудничестве не может идти и речи.

Позитивный

Россия и США наладили переговоры. В перспективе дипломаты обеих стран смогут обеспечить работу конкретных механизмов для заключения договоров в образовательном направлении. Так, с высокой вероятностью Россия и США в 2022 году будут избегать масштабной и неуправляемой гонки вооружений.

Обострение в последние годы противоречий между Россией и США, возрождение холодной войны, развязывание гонки вооружений и нарастание опасности самоубийственного столкновения цивилизаций имеет преходящий характер и обусловлено стремлением реакционных кругов США к установлению однополярного мироустройства при доминировании США, не останавливаясь перед военными авантюрами и применением экономических и иных санкций к России. Во многом это обусловлено сменой долгосрочных циклов и переходом от 4-го поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к 5-му поколению при лидерстве Востока. Однако в условиях повышательной волны нового цивилизационного цикла и неизбежной смены поколений объективно обусловлен переход к сотрудничеству и партнерству двух великих держав – России и США в ответ на вызовы нового века.

Пока не поздно, необходимо приступить к возобновлению переговоров по развитию мер доверия, заключения международных договоров по ограничению термоядерных потенциалов России, США и других держав, обладающих таким оружием, запрещения разработки, испытаний и производства новых видов оружия массового уничтожения, при усилении роли Совета безопасности ООН и Международных организаций в контроле за строгим соблюдением таких договоров. Важно также договориться о расширении зон, свободных от грозного оружия, на границах между военно-политическими блоками и по постепенному расширению функций вооруженных сил в обеспечении глобальной экологической безопасности. Инициаторами в обеспечении глобальной безопасности могут стать Россия и США.

В России и США имеется взаимодополняющий потенциал совместных исследований и инвестиций в этой сфере, а также практический опыт партнерства. Было бы целесообразно расширять партнерство между академиями наук, технологическими и инвестиционными компаниями по

ускоренному освоению принципиально новых направлений техники и взаимному обмену в этой области [28].

Чтобы перейти к переговорам в образовательном направлении, нужно решить проблемы политического характера. В свою очередь, Москве нужно решить три задачи. Во-первых, определиться, нужно ли идти на прямые переговоры с Киевом, которых так хочет Зеленский. На сегодняшний день Россия от них воздерживается по двум причинам: неспособность украинского президента выполнять взятые на себя обязательства (то есть отсутствие субъектности) и неготовность обсуждать предложенную Киевом повестку. Украинский лидер хочет говорить с Владимиром Путиным о Донбассе, тогда как принципиальная позиция Москвы в том, что о делах Донбасса Киев должен говорить с Донецком и Луганском. Конфликт-то гражданский, и Россия в нем не сторона, а посредник. На сегодняшний день никаких подвижек по этим двум вопросам не ожидается. Возможно, что-то изменится по итогам российско-американских переговоров.

Вторая задача – определить судьбу ЛНР и ДНР. Поскольку Минские соглашения мертвы и реанимировать их вряд ли удастся, то Россия идет по второму треку урегулирования гражданской войны на Украине - продвигает интеграцию народных республик в российское пространство. В 2021 году Владимир Путин принял важнейшее решение по снятию всех барьеров на торговлю с республиками (в том числе разрешил тамошним предприятиям участвовать в российских программах госзакупок), тем самым полупризнав ДНР и ЛНР – ведь товары из республик будут приходить в Россию не как украинские, а именно как произведенные в Народных Республиках.

И не исключено, что в 2022 году Россия упрется в стеклянный потолок – после полной экономической, социальной и культурной интеграции встанет вопрос о политической. То есть об официальном признании республик и их включении в состав Российской Федерации. Во многом итоговое решение

Кремля по этому вопросу будет зависеть от статуса отношений с Западом и с Украиной.

Наконец, третья задача – определить масштаб военной операции на Украине в случае, если Киев устроит военную провокацию и начнет войну на Донбассе. Россия в ответ может либо ввести войска на де-факто территорию ЛНР и ДНР с их последующим признанием (вариант, который устроит Украину – потеряв то, чем он и без того не владеет, Зеленский получит усиленную поддержку Запада и новые санкции против РФ). Россия может, например, освободить другие районы Луганской и Донецкой областей и Одесскую область (получив территориальный выход к Приднестровью) – что уже не совсем устраивает Украину. И тут важно не только то, какое решение выберет Россия, но и то, чтобы Запад и Киев не знали об этом выборе. Ведь именно страх перед третьим вариантом сдерживает Украину от военной провокации. А также побуждает Запад продолжать диалог с Москвой [29].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате работы нам удалось рассмотреть и проанализировать способы технологии, институты использования Россией и США образования для реализации «мягкой силы», оценить эффективность их политики в данном направлении. Для того чтобы достигнуть данной цели мы реализовали четыре ключевые задачи: изучить основные институты и инструменты «мягкой силы»; описать опыт реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике США и России; показать роль образования в политике «мягкой силы» России и США и оценить дальнейшие перспективы образовательного сотрудничества России и США.

Сделаем вывод по каждой задаче отдельно.

Во-первых, мы изучили истоки зарождения концепции «мягкой силы», ее инструменты и институты. Выяснили, что мягкая сила – это оружие массового воздействия, которое не уступает со временным военным средствам жесткой силы. Ее воздействие настолько внушительно, что, если жесткая сила способна уничтожить объект, то мягкая сила принуждает его к добровольному переходу на сторону субъекта, разделяя ценности и убеждения. Также выявили роль концепции «мягкой силы» и предназначение в настоящее время, которое выражается в достижении желаемых результатов в международных делах через убеждение, а не подавление, навязывание или принуждение.

Во-вторых, проанализировали опыт реализации концепции «мягкой силы» в России и США, выявили роль публичной дипломатии в политике государств, пришли к выводу, что в настоящее время концепция «мягкой силы» весьма актуально, но еще никто не научился использовать ее правильно.

В-третьих, обозначили важность роли образования в политике «мягкой силы» России и США, описали необходимость развития образовательных систем государств, расширения сотрудничества в этом направлении.

В-четвертых, оценивая дальнейшие перспективы сотрудничества России и США в образовательной сфере, мы пришли к выводу, что сначала нужно решить проблемы в политической сфере, наладить личные отношения, попытаться найти контакт друг с другом, только после этого продолжать расширять сотрудничество в сфере образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абдуллаев Мурад Халилович /Политическая система США: текущие проблем и тенденции развития/ 2018, С. 3.
2. Аганин Андрей «Мягкая сила» как важная составляющая российской концептуальной инициативы, Авторский блог, официальный сайт Завтра.ру URL:https://zavtra.ru/blogs/myagkaya_sila_kak_vazhnaya_sostavlyayushaya_rossijskoj_kontseptual_noj_initciativi , 2018.
3. Акаев А.А., Яковцев Ю.В., Стратегическое партнерство США и России: исторический опыт и перспективы. 2022.
4. Акоп Gabrielyan/Центр стратегических оценок и прогнозов/История возникновения и развития концепции «мягкой силы»: применимость на евразийском пространстве, 2015.
5. Берг Татьяна /Клуб публичной политики: офиц. сайт/Новости/Аналитика/Концепция мягкой силы России, 2017.
6. Блохин К.В., Россия и Запад, военно-политический конфликт, 2022. С. 25.
7. Богатуров А. Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006.
8. Геворг Мирзаян, официальный сайт Эксперт.ру, Внешняя политика России, 2022.
9. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. – М.: Издательство политической литературы, 1991.
10. Дмитриев Т. Очарование «мягкой силы»: Соединенные Штаты теряют культурно-идеологическое влияние в мире // Политическая власть. 2005. № 10. С. 18.
11. Ежков П.И., Педагогика, Образовательная система России, Москва, 2017.

12. Eriksson J., Norman L. Political Utilisation of Scholarly Ideas: The “Clash of Civilisations” vs. “Soft Power” in US Foreign Policy // Review of International Studies. Vol. 37. Issue 01. January, 2011.
13. Ефанова. Е.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике государства/Вестник РУДН/Актуальные вопросы политической науки, 2018.
14. Ивкина Е.В., Официальный сайт: «Центр стратегических оценок и прогнозов», 201450.
15. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008.
16. Караганов С.А. – Россия и мир: Новая эпоха, М: АСТ – Русь-Олимп 2008.
17. Караганов С.А. – Россия и мир: Новая эпоха, которые могут все изменить. М: АСТ – Русь-Олимп 2008.
18. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. -В : Little, Brown and Company, 1977.
19. Косолапов Н. Нелиберальные демократии и либеральная идеология // Международные процессы. 2004.
20. Лавров С.В., ТАСС: официальный сайт/2020 [сайт] URL: <https://tass.ru/politika/9488129>
21. Лекции.Орг: официальный сайт/Геополитика Соединенных Штатов Америки [сайт] URL: <https://leksi.org/3-26277.html/2015>
22. Leonard M., Catherine Stead C., Conrad Smewing C. Public Diplomacy. URL: <http://fpc.org.uk/fsblob/35.pdf> , 2017.
23. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель – Observer. 2013.
24. Макиавелли Никколо. «Государь» Изд-во «Астрель», М., 2002.
25. Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт/Внешняя политика/Концепция внешней политики Российской Федерации [утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным], 2016.

26. Нормативные документы и положения / Официальный сайт Россоотрудничества. Режимдоступа: <http://rs.gov.ru/node/243>(датаобращения: 19.01.2016).
27. Nye, Joseph S. Jr - Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: – 1991.
28. Nye, Joseph S. Jr – Soft Power: The Means to success in World Politics. New York, 2004.
29. Nye J. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
30. Nye, Joseph S. Jr – The Paradox of American Power: Why the World’s Only Superpower can’t go it alone// Oxford University Press, 2002.
31. Nye J. Donald Rumsfeld and Smart Power, Project Syndicate. URL: <http://www.projectsyndicate.org/commentary/nye32>, 2006.
32. Nye J. (Jr.) Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs, 2009.
33. Официальный сайт EDUNEWs, Отличительные особенности российской системы образования, URL: <https://edunews.ru/education-abroad/sistema-obrazovaniya/v-rossii.html>, 2018.
34. Официальный сайт Иносми, российская мягкая сила: неоднозначная концепция , URL: <https://inosmi.ru/20200706/247710415.html> , 2020.
35. Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, потенциал российского и американского сотрудничества, URL: <https://www.5top100.ru/news/104562/>, 2019
36. Официальный сайт, мультиурок.ру, Сравнительный анализ российской и американской систем образования, URL: <https://multiurok.ru/files/sravnitel-nyi-analiz-amierikanskoi-i-rossiiskoi-sistiem-obrazovaniia.html> , 2016.
37. Официальный сайт РСМД, Глобальное управление, «Мягкая сила» США-гораздо шире, чем смена режимов» URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myagkaya-sila-ssha-eto-gorazdo-shire-chem-smena-rezhimov/>, 2020.

38. Официальный сайт РСМД, Перспективы развития и российско-американских отношений, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razvitiya-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniy/>, 2022.
39. Официальный сайт ТАСС, Россия расторгла меморандум о взаимопонимании с США в области культуры, образования и СМИ, URL: <https://tass.ru/politika/14772111>, 2022.
40. Официальный сайт : Travel Smart Club, Образовательная система США, URL: <https://travelsmartclub.com/publications/sistema-obrazovaniya-v-ssha>, 2021.
41. Официальный сайт Хабр, Россия разрывает сотрудничество с США в области культуры, науки, образования и СМИ, Электронный ресурс URL: <https://habr.com/ru/news/t/669454/>, 2022.
42. Полномочия Министерства / Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/about/legal_status
43. Прохоров. А.М.// Большая советская энциклопедия в 30 т.: Советская энциклопедия, 1969.
44. Рейтинговое агентство Эксперт РА: официальный сайт/Аналитика/[сайт]
URL:https://raexpert.ru/researches/int_fin/bidens_new_course2021
45. РСМД: официальный сайт/Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России.
46. Сакова Юлия, Эл. Издательство: История США: материалы к курсу/Роль США в международных отношениях к 2050 году, 2018.
47. Stoletov O.V. Trendy transformacii vlastnyh otnoshenij v mirovoj politike: Smart power [Trends of Power Relations Transformation in Global Politics: Smart Power]. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2009.
48. Studref - Студенческие реферативные статьи и материалы, URL: https://studref.com/526438/pedagogika/soedinennye_shtaty_ameriki, 2017.

49. Суслов Дмитрий РСМД: официальный сайт/ «Мягкая сила» США – это гораздо шире, чем смена режимов, 2020.
50. Уральский государственный педагогический университет: официальный сайт/Интернационализация/Проект «Польша и Россия»: диалог поколений»/Международное сотрудничество, 2018.
51. Уральский государственный педагогический университет: официальный сайт/Интернационализация/Проект «Российская и германская молодежь в диалоге: история и память»/Международное сотрудничество, 2019.
52. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США, 2013.
53. Филиппова И.А., Сучков С. И., Роль и значение образования в современном обществе, 2018.
54. Шестаков В.П. Культурологический журнал/Американская культура: в поисках национальной идентичности/ 2012.
55. Электронный ресурс Справочник.ру, российско-американские отношения
URL:https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/perspektivy_razvitiya_rossiysko-amerikanskih_otnosheniy_v_sovremennyh_realiyah/, 2021.
56. Эл. Издательство: Аналитическая группа Катехон/Изменения внешней политики США при Байдене/Прогнозы на 2021, [сайт] URL: https://ekb.tsargrad.tv/articles/kak-izmenitsja-vneshnjaja-politika-ssha-pri-bajdene-prognozy-na-2021-god_311014, 2020.
57. Эл. Издательство Виперсон: официальный сайт/ Стратегия, состояние и перспективы (ключевые параметры) развития США до 2040 года/ [сайт] URL: <http://viperson.ru/articles/strategiya-sostoyanie-i-perspektivy-klyuchevye-parametry-razvitiya-ssha-do-2040-goda>, 2020.
58. Ярош Т. Американские ценности / Информационный канал. Режим доступа: <http://subscribe.ru/archive/job.lang.good/200903/16080731.html> (дата обращения: 22.01.2016).

